А. В. Кузьмин

ФАМИЛИИ, ПОТЕРЯВШИЕ КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ В XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.
(Ч.I: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины)

Одной из острых проблем в современной историографии по истории формирования боярства великих князей владимирских и московских по-прежнему остается поиск и установление степени прямого родства между группами различных аристократических фамилий. До сих пор в большинстве случаев дискуссионным считается происхождение тех семей, представители которых потеряли свой княжеский титул во второй половине XIV – первой четверти XV в. Круг их еще в начале XX в. определил известный русский генеалог Н. А. фон Баумгартен. Отмечая, что родословие большинства русских княжеских родов идет «непрерывною цепью до самого Рюрика», он тем не менее заметил: «***Исключение в этом роде представляют только князья Юго и Северо-западной России*** (выделено мной. – *А. К.*). Между тем родословия князей Друцких и Четвертинских можно проследить в глубокую старину гораздо далее, чем таковые же многих отраслей Черниговских (скорее Северских) Рюриковичей»[1]. Тогда же Л. В. Савелов и Г. А. Власьев констатировали неясность и путаность родословных документов значительной части тех фамилий, которые считали своими предками смоленских князей[2].

Древнейшие родословные росписи фамилий, потерявших княжеский титул, как правило, начинаются не от общего предка, а от того человека, который первым после приезда в Москву начал службу у великих князей владимирских. Подавляющее большинство таких лиц как по своему происхождению, так и по зем-

левладению до выезда не были тесно связаны с Северо-Восточной Русью. Поэтому установление степени их родства с близкими и дальними родственниками подчас оказывается весьма затруднительно. Прежде всего, это связано с тем, что хронологический отрезок с конца XIII по начало XV в. довольно плохо отражен в сохранившихся источниках по генеалогии и истории властной элиты Руси[3].

Для некоторых титулованных потомков легендарного Рюрика установление прямой степени родства с потомками общего предка, в качестве коих обычно выступали русские князья Владимир Всеволодович Мономах или Олег Святославич Черниговский, уже оказалось невозможно в момент составления Государева родословца в 1555 г. Потомки последних, выехав без вотчин на службу в Москву, постепенно теряли не только княжеское звание, но и связь со своей династией. Бывшие в свое время на слуху и у великих князей, и у летописцев, которые не раз охотно отмечали длительную и чаще всего безупречную службу новых бояр, наместников и воевод, они превратились всего лишь в родоначальников отдельных фамилий. Происхождение и реальные заслуги последних в период установления гегемонии государей из московской великокняжеской семьи в родословных росписях в лучшем случае были вытеснены на второй план красивой, но порой малодостоверной легендой о выезде «пращура» из Литвы, «Немец», Орды и т. д. Последняя скорее отражала представления служилых людей Московского государства XVI–XVII вв., чем исторические реалии более раннего времени. Выбывая постепенно из боярской среды, не все из них сумели попасть в Государев родословец 1555 г. (ср., например, судьбу родословных росписей Сатиных-Шонуровых, Порховских, Фоминских, Даниловых-Мамоновых и др.). При этом росписи некоторых нетитулованных потомков русских князей (например, Кузьминских) не удается найти даже в частных списках родословных книг XVI–XVII вв., а также в достаточно поздних списках, поданных в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г.

Всеволожи, Туриковы и Заболоцкие

Одну из первых характеристик ряда родословных росписей XVII в. потомков одного из внуков Владимира Мономаха – великого князя Ростислава (Михаила) Мстиславича – дал известный русский генеалог Л. М. Савелов. Он констатировал, что «родословие Смоленских князей очень запутано, в нем много неясностей, почему происхождение от них родов, не имеющих княжеского титула, весьма сомнительно и требует особых доказательств *в каждом отдельном случае* (курсив мой. – *А. К.*), хотя бы эти роды и были официально признаны происходящими от Рюрика»[4].

Наиболее древняя легенда о выезде на службу в Москву из Смоленска, а также княжеском происхождении родоначальника фамилии находится в росписи Всеволож Заболоцких (или Заболотских). Поэтому начнем с рассмотрения данного рода. Предметом исследования будет являться установление вероятной степени их родства со смоленскими и брянскими князьями XIV – начала XV в.

В связи с этим наша работа не будет строиться преимущественно на анализе сведений о Всеволож Заболоцких, помещенных в Бархатной книге. По моему мнению, следует рассмотреть эволюцию родословной росписи этого рода с момента ее зарождения, то есть с конца XV в., а также деятельность представителей указанной выше фамилии на рубеже XIV – начала XV в., когда они занимали далеко не последние места в думе великих князей московских.

Самая ранняя редакция родословной Всеволожей с указанием на смоленские корни родоначальника династии дошла до нас в Синодальном списке Типографской летописи (далее – *Тип. ред.*) начала XVI в.[5] Это важное обстоятельство снимает у исследователей все сомнения в вопросе о достоверности княжеского происхождения данной фамилии[6]. Подводя итог наблюдениям над этим источником, С. Б. Веселовский пришел к такому выводу: «Наибольшей полнотой отличается родословие Всеволожей. Оно настолько полно в сравнении с другими боярскими родами, что обращает на себя внимание»[7]. Именно здесь впервые отмечается смоленское происхождение Всеволожей и Заболоцких: «А у князя Александра у Всеволожа оу Смоленского было два сына:

большой Иванъ Александрович, другой Дмитрей Александрович». Анализ данного текста далее показывает, что перед нами не протограф родословия, а его 1-я или 2-я редакция. Так, например, перечисляя потомков известного боярина первой трети XV в., Ивана Дмитриевича Всеволожа, переписчик пропустил не только имя его первого сына Семена, но и часть фразы. В результате получился не совсем ясный фрагмент текста: «А у Дмитрея у Александровича два сына: большой Иванъ Дмитревичь, а другой Иван Ивановичь». Только из последующей фразы: «а у Семена у Ивановичя Иванъ Семеновъ сынь Бздоха» можно догадаться, в каком именно месте могла образоваться скрытая лакуна[8]. Между тем, изменение состава *Тип. ред.* родословных материалов, комплекс которых оформился около 1506–1507 гг.[9], а также добавление новых данных в структуру этого письменного памятника летописной редакции длилось вплоть до конца 30-х гг. XVI в. Однако никаких исправлений или подновлений в текст родословия Всеволожей и Заболоцких внесено не было[10].

Впрочем, такая проблема возникла уже вскоре.

При сравнении текстов Летописной (*Лет. ред.*) и Румянцевской (*Рум. ред.*) редакции родословных книг 40-х гг. XVI в. наблюдается следующая картина. В первой из них в главе «Род князей смоленских» о происхождении Всеволожей и Заболоцких не говорится ни слова. Между тем, вторая, напротив, отмечает, будто бы у князя Глеба Святославича Смоленского (погибшего в битве с татарами на р. Ворскла в 1399 г.[11]) был «сын Олександр-Всеволод, а от того пошли Всеволожи-Заболотские, да от того же Глеба Жижемские князи пошли»[12]. Последняя фраза, скорее всего, попала в основной текст *Рум. ред.* достаточно поздно, возможно, не ранее конца XVI в. Первоначально широкого распространения эта версия о происхождении Всеволожей и Заболоцких не получила. Так, например, ее нет в основном тексте начала XVII в. Архивского VIII списка Компилятивной редакции (*Комп. ред.*). Последний напрямую восходит к протографу, который, судя по всему, сформировался еще во второй половине XVI в. (см. *Приложение № 1*)[13].

Более серьезные различия заметны при сличении глав «Род Всеволож» (*Лет. ред.*) и «Род Всеволож Заболотских» (*Рум. ред.*). Первая из них отличается явной неполнотой поколенной рос-

писи, заметны следы редакции (?) или неумышленного сокращения текста. Здесь отсутствуют данные о тех потомках Ивана Дмитриевича Всеволожа, которые к моменту создания этого источника, по-видимому, уже вымерли. Ему приписаны дети его родного брата Федора Турика – «Федор да Микита...». Они также показаны бездетными. Таким образом, о Туриковых из-за пропуска в тексте не говорится вообще. Отец обоих Всеволожей – Дмитрий Александрович – из младшего превратился в старшего брата боярина Ивана Александровича[14]. Подобная правка могла быть осуществлена для удобства в местнических спорах XVI в., когда род Заболоцких постепенно выбывает из боярской среды.

В *Рум. ред.*, напротив, текст дан без описок и сокращений, допущенных, кстати, даже в *Тип. ред.* родословной этой фамилии. Как и в *Лет. ред.*, в *Рум. ред.* поменялись местами братья Иван и Дмитрий Всеволожи, но самый важный момент, на который стоит обратить внимание – это трансформация начала родословия, а как следствие – рождение сюжета о выезде на службу в Москву, правда, без «легендарных» подробностей: «***Пришол из Смоленска князь Олександр Всеволод Глебович***». У родоначальника династии оказывается, кроме того, еще и средний сын – князь Владимир, отсутствующий в более ранних редакциях. Для убедительности и доказательства относительно раннего появления в Москве здесь отмечено, что «Дмитрей, да Володимер были воеводы у великого князя Дмитрея в передовом полку на Дону»[15]. Такие подновления в тексте родословия «Всеволожъ Заболоцкихъ» позднее можно найти и в Бархатной книге[16].

Однако ранние летописные памятники, преимущественно до середины XVI в., если к ним обратиться, подобных сведений о службе Всеволожей при дворе великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. не имеют. Как полагает Р. Г. Скрынников, участие обоих братьев в битве на Куликовом поле было сочинено книжниками Троицы. Это могло произойти после 1426 г., когда Иван Дмитриевич Всеволож «стал естественным опекуном удельной семьи и ее владений в Радонеже». Князь Андрей, сын Владимира Андреевича Храброго, не оставил наследника. Поэтому «удельный монастырь получил в лице боярина нового патрона»[17]. С. Б. Веселовский, вслед за ним В. В. Мавродин, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, Ю. Г. Алексеев, а в последнее время – А. Е. Пет-

ров, напротив, отнеслись к сведениям «Сказания» об участии Всеволожей в битве на Дону с полным доверием[18]. Между тем, упоминающийся в данном источнике Владимир Александрович Всеволож неизвестен ранним редакциям росписи данной фамилии[19]. Его включение в родословную напрямую связано с использованием одним из представителей рода Заболоцких во второй половине XVI в. в качестве источника текста данного памятника Куликовского цикла. Этот факт указанные выше исследователи оставили без внимания.

Радонежский князь Андрей Владимирович был женат на старшей дочери И. Д. Всеволожа – Елене[20]. Свою вторую дочь влиятельный боярин выдал в 1421 г. за князя Юрия Ивановича Тверского[21]. Между 1429 и 1431 гг. «по Ординьском приходе Иванъ Дмитреевич княжу Андрееву дщьрь, а свою внуку, обручалъ за князя Василья», сына Юрия Галицкого и Звенигородского. Последний был внуком великого князя Дмитрия Ивановича Донского[22]. В конце 1431 г., будучи уже московским наместником, И. Д. Всеволож заручился согласием Василия II и, очевидно, его матери породниться с его семьей. Великий князь обещал родовитому боярину жениться на его дочери (третьей?). Однако после возвращения из Орды в 1432 г. Василий Васильевич и великая княгиня Софья Витовтовна в этом ему отказали, причем, как не без основания предполагает С. Б. Веселовский, в весьма оскорбительной форме[23].

По-видимому, из *Рум. ред.* версия о происхождении Всеволожей и Заболоцких от князя Глеба Святославича Смоленского попала в Государев родословец 1555 г. По крайней мере, именно она отмечена в Бархатной книге[24].

Обратимся к Патриаршей редакции (*Патр. ред.*) родословных книг. Она относится ко времени конца правления царя Ивана Васильевича Грозного[25]. Здесь в главе «Родъ Князей Смоленскихъ, а отъ нихъ пошли Вяземские, Жижемские, Фоминские, Кропоткины» о Всеволожах и Заболоцких не говорится[26]. Правда, в одном из более поздних списков этой редакции (уже начала XVII в.) заметна новая попытка более удачно вписать данную фамилию в общее родословие смоленских князей. Вставка четко фиксируется при сравнении текстов разных редакций:

Летописная редакция

А у князя Глеба Смоленского сын князь Олександр. У князя Олександра дети: князь Иван Большой, да князь Дмитрей, да князь Иван Меньшой[27].

Патриаршая редакция

А у Князя Глеба сынъ Князь Александръ Всеволодъ; а у Князя Александра дети: Князь Иван Болшой, да Князь Дмитрий, да князь Володимеръ бездетенъ, да Князь Иванъ Меншой; и отъ Князя Дмитрея и отъ Князя Ивана Меншого пошли Всеволож-Заболотские[28].

В остальном роспись Всеволожей и Заболоцких за XV–XVI вв. близка к *Рум. ред.* родословных книг и Бархатной книге.

Невозможность происхождения Всеволожей от князя Александра Глебовича Смоленского, умершего согласно летописям в 1313 г.[29], уже показал С. Б. Веселовский. В частности, он отметил: «Некоторые источники родоначальником считают не Александра-Всеволода, а кн. Александра Всеволожа или Всеволодича Смоленского. Этот вопрос разрешается записями родичей Заболотских в синодиках. Так, в синодике Переяславского Горицкого монастыря в “роде” Заболотских вел. кн. Всеволод и кн. Александр записаны как два различных лица. Таким образом, показание Бархатной книги в этом отношении следует признать неверным»[30].

С. Б. Веселовский предположил, что наиболее вероятным родоначальником данной династии московских бояр мог стать псковский князь Александр Всеволодович, которого исследователь иногда вновь почему-то называет Глебовичем, чего, кстати, ни разу не сообщают источники[31].

Недавно после анализа данных росписей глав редакций родословных книг конца XV – начала XVII в., посвященных родам смоленских князей и фамилии Всеволож Заболоцких, а также сведений ряда древнерусских синодиков было высказано предположение, что князь Александр Всеволодович, отец Ивана и Дмитрия Всеволожей, скорее всего, был внуком смоленского князя Глеба, старшего брата правителя Ярославля Федора Ростиславича Черного[32]. Данная точка зрения поддержана в историографии[33]. Рассмотрим ее подробнее.

В летописных памятниках Северо-Западной Руси, судя по всему, князь Александр Всеволодович упоминается не только в свя-

зи с событиями 1341 г., когда он из-за несогласия с заключением союза между Псковом и Литвой покидает город и уезжает в Новгород Великий, но и в 1367 г.[34] Если такое отождествление верно, то можно с большой долей вероятности признать вполне обоснованным предположение С. Б. Веселовского. Исследователь полагал, что семья Всеволожей выехала на службу в Москву не ранее 60-х годов XIV в.[35] До этого момента в качестве служилых князей она пребывала в Псковской и Новгородской землях.

У родоначальника фамилии было два сына — Иван и Дмитрий. С. Б. Веселовский допускал[36], что впервые младший из Всеволожей мог упоминаться в перемирной грамоте 1372 г. великих князей Ольгерда Литовского и Дмитрия Московского[37]. Однако не исключено, что такое ответственное дипломатическое поручение могло быть дано и более опытному боярину, каким был Дмитрий Александрович Зернов.

Род данного боярина относился к кругу старейших землевладельцев Великого княжества Владимирского. Древнейший массив вотчин Зерновых находился под Костромой[38]. Во второй половине XVI в. в их родословной росписи появилась легенда, согласно которой Зерновы оказывались потомками выехавшего на службу к великому князю Ивану Калите Чета. Этот татарин принял крещение под именем Захарии. «А у Захарья сын Олександр. А у Олександра сын Дмитрей Зерно», — отмечает его потомков родословец[39]. В редакции рубежа XVI–XVII вв. можно найти новые «подробности». Выезд на Русь в 1330 г. происходит «из Золотые Орды». Чета одновременно крестят митрополит Петр, умерший в 1326 г., а также его преемник митрополит Феогност[40]. Разбирать эту хронологическую нелепицу нам нет смысла, поскольку она очевидна и без дополнительных объяснений.

В 1304 г. «бысть вече на Костроме» на бояр умершего ранее великого князя владимирского Андрея Городецкого, третьего сына Александра Ярославича Храброго. Перечисляя имена погибших, летописец отдельно замечает: «Тогда жъ Зерна убиша и Александра»[41]. В более позднем тексте в данном предложении разделительного союза «и» нет[42]. С. Б. Веселовский полагал, что последнее чтение, указанное в Симеоновской и Ермолинской летописях, более верное, чем в Воскресенской и Львовской[43]. Тексты двух последних, имеющих одни источники и ряд прин-

ципиально схожих текстов, как установил А. Н. Насонов, независимо друг от друга восходят к Московскому летописному своду конца XV в.[44] Там отмечено чтение, которое цитировалось выше. Таким образом, становится очевидным, что компилятор в XVI в. уже не понимал, что в приведенном тексте летописца речь шла о двух людях, а не об одном человеке. Поэтому мнение С. Б. Веселовского, закрепившееся в современной историографии, в данном случае следует признать ошибочным.

Теперь становится понятным, почему в 1304 г. не обязательно должен был погибнуть предок Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых — Александр Зерно. Кстати, по данным родословцев это распространенное прозвище носил не он, а его сын Дмитрий[45], живший во второй половине XIV в. Небезынтересно будет упомянуть, что один из предков Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Окуневых и Сомовых — Дмитрий Григорьевич Зерно — также жил в конце XIII – начале XIV в.[46] Его семья, чьи родовые владения находились вокруг Суздаля и Костромы, служила в боярах у великих князей владимирских[47]. Поэтому отождествлять упоминаемого под 1304 г. Зерна исключительно с предком Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых не совсем корректно. Несомненно, прав С. Б. Веселовский, относя время деятельности Захария Чета к концу XIII в.[48] Однако датировать смерть сына последнего только 1304 г. нам представляется хронологически уязвимым. Получается, что Дмитрий Александрович, внук Захария, крупный вотчинник из Костромы, перейдя на службу в Москву при Иване Даниловиче Калите, только в правление Дмитрия Донского или чуть ранее — при Иване Ивановиче Красном, т. е. приблизительно спустя 50–60 лет (!) после гибели отца, стал боярином. Такой ход событий представляется маловероятным. Кроме того, С. Б. Веселовский, а также сторонники его интерпретации текста и отождествления лиц в источнике не рассмотрели еще ряд возможных вариантов.

В середине XIV в. в Москве служил видный боярин — Михаил Александрович. Его имя стоит в докончании 1348 г. великого князя Семена Ивановича Гордого с братьями Иваном и Андреем[49]. Зятем Михаила Александровича до 1357 г. стал боярин Василий Васильевич Вельяминов, будущий (и, кстати, последний)

тысяцкий Москвы[50]. Не мог ли отец боярина Михаила стать жертвой вечников Костромы в 1304 г.?

Совсем недавно С. В. Конев опубликовал оригинальный источник по истории княжеских, боярских и дворянских родов древней Руси XIII–XV вв. – текст ростовского соборного синодика. В нем, в отличие от хорошо известного всем Успенского синодика, в нескольких случаях у поминавшихся москвичей XIV – начала XV в. дополнительно были указаны прозвища. Благодаря одному из них «впервые нам становится известным историческое, а не легендарное отчество родоначальника Романовых, Шереметевых, Колычевых и других – Андрея ***Александровича*** (выделено мной. – *А. К.*) Кобылы»[51]. Поэтому следует принять во внимание уже ставшие хрестоматийными сведения о вотчинном землевладении его наследников под Костромой, об их длительной связи с местным Ипатьевским монастырем (старейшими вкладчиками которого, кстати, были Годуновы и их родня). Тогда налицо оказывается невозможность безусловного отождествления Александра, погибшего в 1304 г., только с предком Зерновых. Вероятно и другое. В Костроме среди убиенных бояр великого князя Андрея Александровича Городецкого мог оказаться и еще один Александр – отец Андрея Кобылы и Федора Шевляги. Однако вернемся к предкам Сабуровых и Годуновых.

По родословцам внуками Александра Захарьевича были трое детей Дмитрия Зерна: «1-й сынъ Иван, боярин былъ; 2-й сынъ Костеньтинъ, а прозвище Шея, бояринъ былъ у великаго князя Дмитрея Ивановича у Донсково; 3-й сынъ Дмитреи»[52]. Важно отметить, что имена старших представителей рода Зерновых в трех коленах за вторую половину XIV – начало XV в. совпадают с именами предков Всеволожей и Заболоцких, живших в это же время. Поэтому данные источников, где фигурируют люди с подобными именами и отчествами без прозвищ надо тщательно проверять, чтобы не приписать сведения, относящиеся, например, к Зерновым, Всеволожам и наоборот.

Возвышение семьи Всеволожей приходится на время правления Василия Дмитриевича, когда вслед за Фоминскими несколько выходцев из мелких восточных смоленских княжеств также попали в думу (например, Александр Борисович Поле, Иван Федорович Толбуга Ржевский и др.). В 1390 г. младший из сыновей

князя Александра Всеволодовича — Дмитрий упомянут первым среди бояр великого князя, участвовавших в «мене» земель с митрополитом Киприаном[53]. Спустя два года он становится наместником Василия I в Нижнем Новгороде. Его родной брат Иван, родоначальник Заболоцких, вместе с другим москвичом — Даниилом Тимофеевичем Валуевым в это время посылается в Новгород Великий для сбора черного бора[54].

Среди послухов в духовной великого князя Василия I, составленной около 1406 г.[55], Дмитрия Александровича Всеволожа нет. Возможно, к этому времени он умер. Правда, в ней упомянут Иван Дмитриевич[56]. Как полагают исследователи, им могли быть только два лица: либо Всеволож, либо Зернов[57]. Последний вариант нам представляется наиболее вероятным, и вот почему.

Во-первых, по возрасту, а следовательно, и по службе, И. Д. Красный Зернов, как и его родной брат, Константин Шея, в указанный период стояли выше Всеволожей. Да и «память» Г. И. Бутурлина, составленная, по-видимому, не ранее середины XV в., прямо указывает на то, что именно они в начале века были наиболее близкими и влиятельными боярами Василия Дмитриевича[58]. Между тем, И. Ф. Кошкин, любимец великого князя, занимал в тот период, согласно поздним и весьма малодостоверным данным, лишь должность казначея[59]. В начале XV в. наместниками великого князя в Новгороде были Константин Иванович и Иван Дмитриевич[60]. В первом из них следует видеть Добрынского, а во втором — Зернова[61]. В 1408 г. И. Д. Красный вместе с И. С. Жеребцовым, внуком А. А. Кобылы, возглавили военную авантюру Василия I, попытавшегося вмешаться в междоусобицу правителей Рязанской земли — князей Федора Ольговича и Ивана Владимировича. Московские воеводы погибли в неудачной битве против рати пронян и ордынцев близ города Венева у реки Осетр[62]. В это время брат Ивана Красного Константин Шея упоминается вторым среди великокняжеских бояр (после К. И. Добрынского). Они были оставлены в Москве для руководства обороной города от войск эмира Едигея, бывшего в то время фактическим правителем Орды[63].

Во-вторых, лишь в 1415 г., согласно известным на сегодняшний момент источникам, И. Д. Всеволож впервые стал подписывать жалованные льготные и несудимые грамоты от имени вели-

кого князя. Это указывает на его достаточно высокое положение в то время. Кстати, вышеупомянутые документы он выдавал Троице-Сергиеву монастырю[64]. В духовных грамотах Василия Дмитриевича, составленных – первая в 1418 г. (в июле 1417 г. по Л. В. Черепнину, в конце 1419 г. – начале 1420 г. по А. А. Зимину), вторая – не позже марта 1423 г., И. Д. Всеволож указан его вторым послухом, после князя Юрия Патрикеевича[65], женатого с 1418 г. на Марии, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича[66].

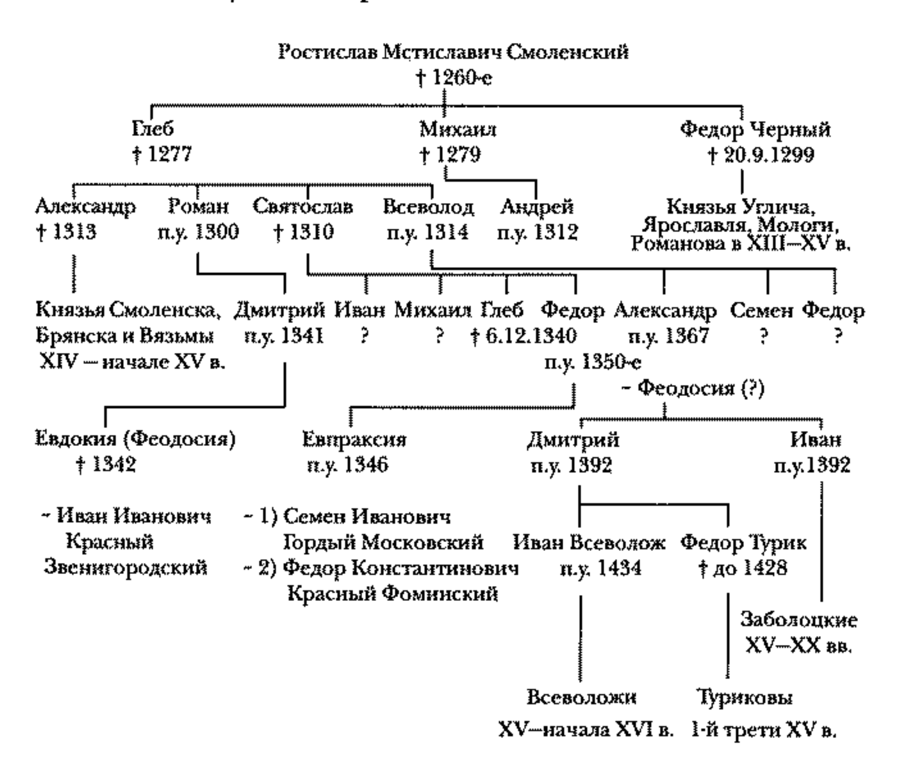
Федор, брат И. Д. Всеволожа, родоначальник Туриковых, был менее заметной фигурой. Известен его вклад в Переяславский Горицкий монастырь. Синодик обители сохранил запись: «Село Новое да Мордвиново дал Федор Дмитриевич Всеволож Турик да Княжеское Чернецкое». Как отмечает Ю. Г. Алексеев, «село Чернецкое-Княжеское на р. Киржаче в Кодяеве стану упоминается в монастырских документах XVI–XVII вв. Местоположение сел Нового и Мордвинова установить не удается»[67]. Ф. Д. Турик умер до начала 30-х гг. XV в.[68]

Придворный синодик Успенского собора Московского Кремля сохранил интересную поминальную запись боярам начала – первой половины XV в., и в том числе ***«Димитрию Александровичу и сыну его Ивану»***. Подобной чести в то время удостаивались далеко не все московские думцы. Поэтому текст данного источника следует рассмотреть подробнее.

Несколько выше в синодике среди лиц второй половины XIV в. указан Александр Всеволодович. Данных о боярстве в Москве родоначальника Всеволожей нет. Поскольку этот человек указан без княжеского титула, то возможно, что в данном случае упоминается отец известного московского воеводы и боярина середины XIV в. – Родиона, сына Александра Нестора.

Еще ранее в тексте источника обращает на себя внимание «***вечная память***» целой группе князей из Северо-Восточной Руси, сторонников внешней политики Москвы. Она отмечалась: «***Благоверному*** Князю Михаилу Давидовичу Моложскому, Феодору, Ярославу, Ивану, Феодору Стародубскимъ, Василью Галичьскому, ***Всеволоду Глебовичу, Ольгу Добрянскому, Святославу Глебовичу и сыну его Ивану и Михаилу, Глебу Святославичу***, Ярославу Муромскому, Феодору и Михаилу Галичьскимъ, Иоанну Суздальскому, Михаилу

Афанасьевичу, Дмитрию Ивановичу, Князю Симеону и Князю Роману Новосильскимъ»[69]. Интерес вызывает группа брянских князей конца XIII – начала XIV в. Один из них – это Олег Добрянский, внук Михаила Черниговского, сын Романа Старого, упоминаемый вместе со своими родственниками в Любецком и Северском синодиках[70]. Святослав Глебович – сын Глеба Ростиславича Смоленского († 1277 г.[71]), князь, погибший в бою с ордынцами в 1310 г.[72] Младший из трех его детей, Глеб, был убит брянчанами 6 декабря 1340 г.[73] Таким образом, если допустить отождествление брата брянского князя Святослава Глебовича – Всеволода, упоминающегося в Успенском синодике, с князем Всеволодом Глебовичем, отцом псковского князя Александра, то генеалогическая схема родства боярских родов Всеволожей и Заболоцких со смоленским и брянским домом князей могла бы выглядеть следующим образом:

Предположение о происхождении Всеволож Заболоцких от брянской линии смоленских князей недавно было подвергнуто критике Д. Н. Александровым. При этом мой разбор генеалогии и родственных отношений смоленских и брянских князей середины XIV в., произведенный на основе анализа данных Успенского синодика, он приписывает А. А. Горскому, который, как оказывается, все это ***«абсолютно ошибочно развивает в своих работах»***. Неверными им признаются следующие родственные связи и происхождение князей:

> Олег Добрянский – сын Романа Старого, Святослав Глебович – сын Глеба Ростиславича Смоленского, Глеб Святославич сын Святослава Глебовича Можайского и Брянского. Князья Иван и Михаил являются сыновьями Святослава Глебовича.

Д. Н. Александров утверждает, что ***«подобная схема является крайне упрощенной»***. Поэтому он задает следующий вопрос:

> Если Михаил и Глеб Святославич являлись сыновьями Святослава Глебовича, то почему же в Синодике прямо не говорится об этом? [74]

Конечно, не посвященный в тему читатель также задастся вопросом, на каких это таких основаниях А. А. Горский признает князя Михаила из Успенского синодика сыном Глеба Святославича? Если он окажется настойчив, то обратится к работам упомянутого исследователя и почувствует, что его обманули! Действительно, большинство указанных Д. Н. Александровым князей являлись объектом изучения со стороны А. А. Горского. Однако для аналитической работы исследователь использовал только данные летописей и росписей потомков смоленских князей, находящихся в родословных книгах. Успенский синодик для установления генеалогических связей данных потомков Владимира Мономаха им не привлекался. Поэтому в работах А. А. Горского нет не только размышлений о происхождении князей Ивана, Михаила и Всеволода Глебовичей, но и упоминаний о них как таковых [75]. Итак, перед глазами читателя вырисовывается подлог, как будет показано ниже, а не досадная ошибка автора текста.

Далее Д. Н. Александров безапелляционно заявляет:

> ... ***Уникальная запись, введенная в оборот мной*** (sic!), свидетельствует об абсолютной справедливости генеалогической трактовки суще-

ствования Чернигово-Брянского дома. Михаил Брянский и Глеб Святославич, если исходить из данных любчского (sic!) синодика, были сыновьями: Михаил был сыном Дмитрия Александровича Брянского, а Глеб Святославич – сыном Святослава – Михаила Александровича.

После этой фразы становится даже как-то неудобно напоминать Д. Н. Александрову следующее. Во-первых, заслуга в этом ни в коей мере не принадлежит ему. Это сделал уважаемый русский просветитель XVIII в. Николай Иванович Новиков, подготовивший к публикации и издавший полный текст Успенского синодика более чем 200 лет назад. Во-вторых, данным источником, кстати, весьма задолго до появления на свет первых опусов Д. Н. Александрова, плодотворно занимались многие исследователи (достаточно вспомнить имена Н. П. Лихачева, Л. М. Савелова, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, М. Е. Бычковой, Г. Алефа, Н. Шэлдс Колман и др.).

Никаких фактов, свидетельствовавших в пользу возможности или хотя бы допустимости подобного отождествления князей, поминавшихся в синодиках территориально и политически ***разных*** древнерусских княжеств-государств XIV в., Д. Н. Александров, естественно, привести не смог [76]. И это понятно. Его выводы прямо противоположны тому, что сообщается в памятниках прошлого. Поэтому для доказательства своей правоты Д. Н. Александровым используется другой, весьма «интригующий» аргумент:

В самое ближайшее время мною будут опубликованы многие родословные книги, жития и синодики, найденные в центральных рукописных фондах, которые содержат имена неизвестных князей [77].

На этом интерпретация многострадального синодика не заканчивается. Без каких-либо доказательств Д. Н. Александров утверждает следующее:

Запись Успенского синодика позволяет сделать ряд весьма важных выводов:

1. Второе имя Смоленского князя Александра Глебовича было Всеволод.

2. Смоленский великий князь Александр Глебович являлся союзником московских князей: Даниила Александровича и его сына Юрия Даниловича [78].

Еще ниже, ссылаясь на *«известия неизвестного летописца»*, без какой-либо датировки источника или указания на его местопребывание, отмечается:

> С 1307 по 1373 годы татары разоряли пределы Смоленского княжества и в одной из битв с ними погиб Смоленский великий князь Александр Глебович [79].

Комментировать эти выводы, не подтверждающиеся источниками, нет смысла. По ходу чтения данного опуса выясняется, что Д. Н. Александров не провел самостоятельного текстологического исследования росписей потомков смоленских князей. Все это было заменено другой методологией.

Страницы опуса Д. Н. Александрова «Источниковедение и историография Средневековой Руси» под № 92—95, посвященные родословию Всеволожей, как по характеру и периодичности упоминания родословцев (в том числе и архивных, которые, как устанавливается при проверке в РГАДА он никогда не брал в руки), так и по сноскам оказываются до боли знакомы. Они практически дословно повторяют текст и порядок цитат и научно-справочного аппарата моего доклада 1997 г. [80] При этом никаких дополнительных аргументов приведено не было. Пожалуй, единственным самостоятельным суждением Д. Н. Александрова становится лишь конечный вывод. Без учета сведений о первых представителях рода Всеволожей, находящихся в синодике и вкладной книге Переяславского Горицкого монастыря [81], а также исследования по данному вопросу А. А. Титова и С. Б. Веселовского он вновь ошибочно пытается убедить доверчивого читателя в том, что «все данные родословных книг практически однозначно свидетельствуют: родоначальником Всеволожских и Заболоцких был Великий Смоленский князь Александр Глебович, многократно обращавшийся к Московскому князю Юрию Даниловичу за помощью» [82]. Правда, каким образом у умершего в 1313 г. князя могли быть здравствующие дети в начале 90-х гг. XIV в., остается загадкой.

В работах отечественных исследователей по аграрной истории Северо-Восточной Руси показано, что Всеволожи и Заболоцкие были крупными землевладельцами в Костромском и Бежецком уездах. Владели они вотчинами и в Переяславской земле [83].

Данный факт весьма важен. Он позволяет прийти сразу, по крайней мере, к двум выводам.

Во-первых, наличие значительного земельного фонда в руках «великих» бояр, чьи отцы или деды сложили княжеский титул, заставляет поставить под сомнение один из выводов такого известного генеалога, как Г. А. Власьев. Еще в начале XX в. он утверждал, что главной причиной, по которой князья стали терять свой титул, стало их незавидное материальное положение[84]. Поскольку судьба Всеволожей и Заболоцких этому выводу не соответствует, перспективно далее рассмотреть историю тех нетитулованных фамилий, представители которых либо также не без основания возводили свои родословные к князьям, либо, действительно, имели их в качестве прямых предков. В этом перечне, прежде всего, конечно, стоит упомянуть Волынских, Липятиных, Монастыревых, Порховских, Сатиных-Шонуровых, Фоминских, Кузьминских и др.

Во-вторых, следует отметить то место, где у Всеволожей и Заболоцких находился центр их земель в Северо-Восточной Руси. Выбор Переяславля Залесского не представляется случайным. Именно этот город со времен Дмитрия Донского московские правители начинают отдавать в условное держание князьям, перешедшим на службу в Москву: в 1363 г. — князю Ивану Ржевскому[85], в 1379 г. — Дмитрию Ольгердовичу Трубчевскому[86]; в 1406 г. — Александру Нелюбу, сыну Ивана Олгимонтовича Гольшанского[87]; в 1408 г. — Свидригайлу Ольгердовичу Брянскому и Северскому[88].

Появление Александра Всеволожа на службе в Москве во второй половине XIV в. следует также рассматривать в контексте внешней политики великих князей владимирских и московских данного времени. Известно, что уже в середине века началась упорная борьба с Великим княжеством Литовским[89] за привлечение на свою сторону властной элиты древнерусских земель. Ее представители благодаря знатности рода, династическим связям и традициям, а следовательно, и претензиям на определенный круг земель (как правило, Черниговских или Смоленских) могли активно влиять на положение дел в Северной и Западной Руси, особенно в междуречье Днепра и Десны.

Судьба этих князей сложилась по-разному. Часть из них, выехав на службу в Москву в середине — конце XIV в., приняла актив-

ное участие в процессе собирания земель под властью наследников Калиты. Со временем она плавно влилась в состав великокняжеского боярства, теряя при этом княжеские права. Другая часть возвратилась в Литву, признав, наконец, власть или сюзеренитет великих князей Ольгерда, Ягайлы или Витовта. Они сохранили свои княжеские права, но их претензии на когда-то родовые земли были постепенно ограничены. Быть может, поэтому во второй половине XV – первой четверти XVI в. их потомки вновь вспомнили о близкой и православной Москве?

Князь Дмитрий Михайлович Боброк и род Волынских и Вороных в середине XIV – первой трети XV века

Несмотря на частые упоминания в научных трудах, до сих пор нет более или менее полной биографии князя Д. М. Боброка, родоначальника московских боярских родов Волынских и Вороных. Поэтому даже современные исследователи иногда вынуждены с грустью констатировать, что «в целом сведения о жизни Дмитрия Волынского после 1380 г. фрагментарны: они сводятся к его участию как свидетеля при подписании великим князем Дмитрием Ивановичем второй духовной грамоты в 1389 г.» [90].

Согласно древнейшей росписи Волынских, дошедшей до нашего времени в составе *Лет. ред.*, родоначальник данной боярской фамилии – «Дмитрей Михайлович Боброк». У него было «2 сына: Борис да Давыд». С ними Д. М. Боброк «приехал ⟨...⟩ на Москву». Здесь великий князь Дмитрий Иванович «дал за него сестру свою княжну Анну, и от тое был у него сын Василей», который «убился с коня 15 лет» [91]. Такова родовая традиция. Дату выезда она, к сожалению, не приводит.

Указания на время выезда князя Д. М. Боброка в Москву нет и в *Рум.* и *Разр. ред.* Правда, первая из них добавляет, что «служити» великому князю владимирскому и московскому родоначальник фамилии «пришел из Волынские земли». От его детей пошли две ветви: «От Бориса пошли Волынские, а от Давыда пошли Вороные» [92]. Сведений о его третьем сыне – Василии в отличие от *Лет.* и *Разр. ред.* – здесь нет, хотя второй брак Д. М. Боброка с дочерью великого князя Ивана Красного в родословной был также указан [93].

Между тем, в более поздних родословных памятниках условную дату выезда Д. М. Боброка в Москву отыскать все же можно. Так, например, она содержится в Архивском III списке первого извода редакции в 43 главы с приписными. В основе этой редакции лежит Государев родословец. Данная родословная книга великих князей и царей московских, царей астраханских, крымских, казанских и т. п. составлена на основе рукописи второй половины XVII в. Последним из русских правителей здесь упоминается Федор Алексеевич[94]. Эта книга использовалась в делопроизводстве Посольского приказа. В главе «Род Волынскихъ» отмечается следующее: «В лето 6888-го. Прииде к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому из Волынские земли княз Дмитрей Михайловичь Волынской Боброкъ, и княз великии далъ за него сестру свою княжну Анну»[95]. Очевидно, что эта дата имеет вставочный характер. Ее автор наверняка использовал в качестве источника «Сказание о Мамаевом побоище», где Д. М. Боброк впервые упоминается наряду с другими выходцами из Литвы – князьями Андреем и Дмитрием Ольгердовичем; известия летописцев о службе князя в Москве в 70-е гг. XIV в. он не привлекал. В целом текст данной родословной Волынских весьма близок *Рум. ред.* Последнее, впрочем, не удивительно, ибо из всех редакций родословных книг именно она наиболее близка к Государеву родословцу[96]. Пожалуй, единственным отличием росписи редакции в 43 главы с приписными от *Рум. ред.* является то, что она содержит информацию о боярстве детей Д. М. Боброка[97].

Ранее еще С. Б. Веселовский указывал, что некоторые родословцы отъезд Д. М. Боброка в Москву «с Волыни» вместе «с сыновьями Борисом и Давыдом» связывают с Куликовской битвой. Впрочем, справедливость этой информации исследователь сразу же подверг сомнению. Ссылаясь на данные летописей, С. Б. Веселовский подчеркивал, что это случилось «много раньше» – до 1371 г.[98]

О чуть более раннем времени появления Д. М. Боброка в Северо-Восточной Руси пишет и В. А. Кучкин. Исследователь полагает, что князь «выехал из Волыни в Москву, вероятно, между 1366–68» годами[99]. Очевидно, что его мнение основано на учете изменения политического статуса московского князя. Дмитрий

Иванович в это время единолично не только держал ярлык на великое княжение Владимирское, но и успел породниться со своим основным конкурентом — нижегородско-суздальским князем Дмитрием Константиновичем[100].

Официально происхождение Волынских никогда не подлежало сомнению. Еще в конце XIX в. Н. П. Лихачев специально подчеркнул, что «в Бархатной книге (в оглавлении) Дмитрий Волынской — Боброк показан княземъ, чего нет в частных списках»[101]. Доверяя сведениям родословцев, Д. М. Боброка считали основателем боярских фамилий Волынских и Вороных такие исследователи, как Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, В. В. Руммель, В. Е. Рудаков, С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, В. В. Мавродин, В. Б. Кобрин и др.[102] Княжеское происхождение героя Куликовской битвы признается и современной историографией[103]. В данном случае бóльшая степень достоверности информации Бархатной книги сомнений не вызывает, поскольку в ее основе лежат достаточно древние родословные документы[104]. Иное дело, к какой именно династии относился Дмитрий Михайлович — к русской или литовской?

Мнения исследователей по данному вопросу разделились. Большинство ученых полагает, что Д. М. Боброк принадлежал к роду легендарного князя Рюрика. Однако еще в конце XIX в. П. Н. Петров[105], а вслед за ним и А. В. Экземлярский высказывали иную точку зрения. Последний из них в одной из своих статей прямо указал, что Дмитрий был сыном «литовского князя на Волыни Кориата — Михаила Гедиминовича»[106]. Князь «был женат на сестре Димитрия Донского — Анне, но потомства не оставил». Это мнение без непосредственного разбора генеалогии Гедиминовичей поддержали такие авторитетные исследователи, как Г. В. Вернадский и В. А. Кучкин. Независимо друг от друга они отождествили князей Дмитрия Корьятовича и Дмитрия Михайловича[107]. Некоторое время к версии о литовском происхождении Д. М. Боброка склонялся и автор данных строк, хотя прямо о родстве этого князя и Корьяда никогда не писал[108]. Позднее, после более тщательного изучения источников о деятельности Корьятовичей версия о литовском происхождении Д. М. Боброка была отвергнута по ряду причин[109]. Укажем их по порядку.

Для начала следует составить генеалогическое древо этой одной из младших ветвей литовской династии Гедиминовичей. Не отрицая достоверность существования князя Дмитрия Корьятовича (о нем речь пойдет ниже), заметим, что русские родословные источники его не знают. В главе «Начало государей литовских» записано следующее: «А шестой сын Гедиманов Корьяд, а Корьядовы сынове: Олександр, Костянтин, Феодор, те все бездетны, извелися в Подольской земли»[110]. Данный пример, конечно, не во всех отношениях бесспорен. Однако он все же свидетельствует об определенной тенденции.

О судьбе сыновей Корьяда (Михаила) Гедиминовича достаточно подробно говорится и в белорусско-литовских летописях, где версии их биографий несколько различаются. Важно отметить, что эти источники называют еще одного Корьятовича — Юрия, который вместе с младшими братьями держал всю Подольскую землю. Как полагает Б. Н. Флоря, это началось в 1363 г., когда великий князь Ольгерд Гедиминович «предпринял поход в бассейн Буга против монголо-татарских князей Хаджибея, Кутлубуги и Дмитрия, распоряжавшихся Подолией»[111]. Одним из условий, согласно которым местное население приняло Корьятовичей, стало обещание литовских князей оборонять жителей от ордынцев[112]. Вместе со своим дядей луцким князем Любартом (Дмитрием) Гедиминовичем Корьятовичи подчинялись польскому королю, но власть последнего Пяста в это время на Волыни и Подолии была еще формальной[113]. Позднее, как отмечает летопись Красинского, князя Юрия «волохове убили»[114]. Обычно исследователи относят это событие к 1374 г.[115] Поводом для этого служит известие Рогожского летописца 40-х гг. XV в., где под указанным выше годом сообщается: «Того же лета въсенине ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышеть межи ихъ бои»[116]. Обращаясь к Супрасльской летописи, можно узнать еще ряд интересных деталей. Однако они точно не датируюся: «... Князя Юрья волохове взяли ⟨...⟩ собе воеводою и тамо его окормили»[117].

Прямую связь между двумя последними событиями можно предположить, но с большой долей осторожности. Конечно, данное событие было бы логичнее относить не к Юрию, а к следующему сыну Корьяда — Александру. Этот князь до войны 1366 г. с польским королем Казимиром III Великим (30.VI.1310 —

5.XI.1370) владел Владимиром[118]. Об этом Корьятовиче летописи в один голос говорят, что он погиб в бою с татарами[119]. Однако Александр, титуловавший себя «*господарем Подольской земли* (курсив мой. – *А. К.*)», на самом деле известен и позднее[120]. Он вместе с братом упоминается в письме короля Венгрии и Польши, отправленном правителю Падуи Франциску Карраре. Людовик I Венгерский сообщает в 1377 г., что в Подолии его власть признают два местных князя – Александр и Борис Корьятовичи[121]. Таким образом, выясняется имя еще одного из внуков Гедимина. При этом возникает вопрос, почему же о нем молчат летописи и родословцы? Чтобы ответить на него, стоит вновь обратиться к источникам.

Исследователи давно обратили внимание на то, что в литовском посольстве, прибывшем 18 января 1385 г. в Краков, важную роль играл не только Скиргайло (Иван) Ольгердович, но и два других православных князя. Это были Борис Корьятович Подольский и Ольгимонт (Борис) Гольшанский[122]. От имени великого князя Ягайлы (в православии – Якова) Ольгердовича все трое официально просили руки польской королевы Ядвиги, дочери умершего Людовика I Великого. Затем по предложению малопольских панов вместе с виленским наместником Ганулем князь Борис Корьятович посещал в Венгрии вдовствующую королеву-мать Элжбету[123]. Одним из условий брачного договора, как известно, должен был стать переход их сюзерена из православия в католичество. Такая деятельность Бориса вряд ли могла быть симпатична древнерусскому летописцу. Поэтому этого Корьятовича он не стал упоминать в своем повествовании о подольских князьях – защитниках православия от иноплеменников. Иное дело брат Бориса – Константин.

Летописные данные об обстоятельстве и месте смерти Константина Корьятовича несколько противоречивы[124]. Как хорошо известно, в 60-е гг. XIV в. представитель куявской линии Пястов, польский король Казимир III Великий (30.VI.1310 – 5.XI.1370), сын Владислава I Казимировича Локетка (около 1260 – 2.III.1333), не имея наследников по мужской линии, пытался преодолеть династический кризис. Согласно Супральской летописи, составленной не ранее 20-х гг. XVI в., он «прислал к князю Костентину кглеитовныи листы, со великою тверъдостию

и прося его, штобы к нему приехаль», ибо «захотель за него (...) дати» свою единственную дочь. Константин Корьятович «к польскому королю ездил», но «там какь ся ему посмотрело, не похотел к тои вере приступити, и опять на тых же листех отъехал до Подолъскои земьли и на своемь господарьстве умерл»[125]. Польские исследователи полагают, что сватовство подольского князя к Анне, дочери Казимира III, могло состояться ранее 5 декабря 1369 г.[126] Выгода для Константина от возможного союза была очевидной. Две старшие дочери польского короля — Элжбета и Кунегунда родились в первом браке короля с Альдоной (Анной), дочерью Гедимина. Однако к этому времени они уже умерли[127]. Летописец настаивает на том, что в момент сватовства Анна была единственной дочерью Казимира III. Поэтому логично предположить, что переговоры о браке велись где-то между 1366—1367 гг., ибо в 1367 г. у короля родилась еще одна дочь — Кунегунда, которая умерла до 3 ноября 1370 г.[128] Брак с единственной (или позднее старшей) дочерью Казимира III Великого автоматически делал Константина наследником польского короля. Однако, как свидетельствуют летописи, подольский князь отказался изменить православию и перейти в католичество[129]. Поэтому династический проект был расторгнут. Руку малолетней невесты Константина, появившейся на свет в 1366 г. в результате третьего брака польского короля с Ядвигой, дочерью Хенрика V Железного, затем просил для своего сына Вацлава император «Священной Римской империи» Карл IV из династии Люксембургов[130].

Между тем, летопись Красинского не знает истории о сватовстве подольского князя. Ее автор, во-первых, отмечает, что Константин скончался ранее брата Юрия, что представляется сомнительным. Летописец пишет, что князь «поехал до угорского короля (...) и там умер»[131]. Если последнее сообщение, верно, то смерть Константина могла наступить лишь после 1377 г.[132] Эту мысль подтверждают некоторые орденские источники. Так, например, им известно, что Константин Корьятович, ставший «влиятельным лицом при дворе Ягайлы, добивался разрыва отношений с крестоносцами летом 1383 года»[133].

Следующим из братьев Корьятовичей белорусско-литовские летописи называют Федора. О нем в Супральской летописи ску-

по говорится, что «князь Федор Корятовичь, Новгородок держал»[134]. По-видимому, средневековый редактор не стал включать в новый текст из протографа подробный рассказ об этом сыне Корьяда. Между тем летопись Красинского его сохранила. В ней сообщается, что помимо Новгородка Федор держал «к тому еще Гомеи». Когда его «трех братов не стало», князь «шедши з литовским воиском, и засядеть Подолскую землю к Литве». После того, как «князь великыи Витовт осел на всеи земли, на великом княжени Литовъском», Федор Корьятович не захотел «с Подолскою землею служити» сыну Кейстута. Тогда за отказ подчиниться Витовт Кейстутьевич в 1393 г. «пошол со всим литовъским воиском к Подолью». Местный князь уехал за помощью в Венгрию. Получив ее, Федор оставил гарнизоны из валахов и венгров в городах Подолии. Его поддерживал Владимир Ольгердович Киевский и молдавский господарь Роман[135]. Однако великий князь литовский без какой-либо поддержки со стороны сначала нейтрализовал князя Владимира, отобрав у него Овруч и Житомир, а затем сумел захватить Бряславль, Соколец, Каменец, Смотрич, Скалу, Червленый городок и др. Летописец, отмечая безусловную победу Витовта, сообщает, что он «вси городы побрал, и воеводу князя Федорова поимал, и по всим городом подольским свои старосты осадил»[136]. Федору пришлось уйти в Венгрию, где он стал править в городе Мункач[137].

Очевидно, другие Корьятовичи подчинились великому князю Витовту Кейстутьевичу. По крайней мере, их можно встретить в числе его союзников. Известия об этом сохранили памятники летописания Северо-Восточной Руси. Так, в Рогожском летописце есть немного неясное, но очень важное известие под 1356 г.: «Того же лета князь великии Иванъ Ивановичь *отдалъ за Корьядова сына* въ Литвоу»[138]. Обращение к «Истории» Н. М. Карамзина помогает разъяснить, о ком именно идет речь. Выясняется, что в этом году на дочери великого князя владимирского и московского женился племянник Ольгерда князь Дмитрий Корьятович[139]. Источник, которым в данном случае пользовался наш знаменитый историограф, можно установить. По-видимому, это была харатейная Троицкая летопись. Известно, что генетически связанная с ней Симеоновская летопись и Рогожский летописец совпадают во многих чтениях за 1328—1374 гг.[140] Вместе

они «содержат Тверскую редакцию 1412 г. общерусского свода кон. XIV или нач. XV в. — протографа летописи Троицкой»[141]. По-видимому, В. А. Кучкин, сопоставляя это известие со сведениями родословия Волынских, пришел к выводу, что в этом случае упоминался Д. М. Боброк[142].

Любопытно отметить, что Г. В. Вернадский не обратил внимания на указанное выше известие Рогожского летописца. Однако он упомянул то, что не отметил В. А. Кучкин. Один из пространных перечней погибших князей в битве с ордынцами хана Тимур-Кутлуга и эмира Едигея на реке Ворскле во вторник 12 августа 1399 г. находится в Никоновской летописи. В нем среди убитых значатся Дмитрий и Лев Корьятовичи[143]. Другие источники знают только о гибели одного князя Льва[144]. По мнению Г. В. Вернадского, уникальное известие о смерти князя Дмитрия Корьятовича относилось именно к Д. М. Боброку. Исследователь полагал, что после подчинения великого князя владимирского и московского власти хана Тохтамыша от него в Литву ушли сторонники борьбы с татарами князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, а также «Дмитрий Корьятович Боброк Волынский». Своего нового вождя и единомышленника они нашли в лице ближайшего родственника — Витовта Кейстутьевича[145].

Указанная выше реконструкция Г. В. Вернадского биографий трех Гедиминовичей за 1380—1399 гг., как ни странно, хронологически почти полностью противоречит источникам. Так, например, хорошо известно, что князь Андрей сохранял тесные отношения с Дмитрием Московским вплоть до середины 1385 г., когда, как сообщают источники, великий князь между 9 мая и 29 июня «събравъ воя многы, посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевичя на князя Олга и на Рязанскую землю». В том походе, как отмечает летописец, «убиша князя Михаила, сына Андреева Полотскаго Олгердовичя на Рязани»[146].

Осенью того же года Андрей Ольгердович оказывается отнюдь не в Литве, а на территории Ордена. Как полагает И. Б. Греков, сближение прежних противников произошло на фоне разрыва союзнических отношений великих князей Дмитрия Донского и Ягайло[147]. Между тем, польский исследователь Х. Ловмяньский делает упор на то, что полоцкий князь входил в число тех Гедиминовичей, которые отказались и так не принесли при-

сягу верности новому польскому королю и великому князю литовскому Ягайле, а также жене последнего Ядвиге в феврале и марте 1386 г.[148] После переговоров в Недритце 9 октября князь Андрей заключил против нее договор с магистром Тевтонского Ордена в Ливонии Робином фон Эльтцем. За помощь в борьбе против младшего брата Ягайлы он отдавал в лен крестоносцам свое Полоцкое княжество («regnum in Ploscow in feodum recepimus»). Правда, при этом князь Андрей оговаривал право его наследования собственными детьми[149]. Впрочем, в это время в планы князя входило держание не только Полоцкого княжества, но и других земель ВКЛ.

В зиму 1385–1386 гг. полоцкий князь «с немци с лифлянты, с всею латыголою» приходил «на Литовскую землю и, повоевав, много пожже мест и сел»[150]. Тогда же «князь Святослав смоленьскыи совет с княземь Андреемь полоцкым сътвори: ***он в Литву***, а князь Святослав ко Рши»[151]. Это не могло не тревожить великого князя литовского. В 1387 г. его войска повторно захватили владения Андрея[152]. Как отмечает новгородский летописец, «а Скиригаило, братъ Ягаиловъ, ходилъ ратью с Литовьскою силою и с Немечкою подъ Полтескъ, и взя город; и Ондреева сына оубиша, а самого Ондрея, брата своего, изнималъ и в Литву свелъ»[153]. Обстоятельства пленения полоцкого князя раскрывает псковский источник: «...князя Андрея Олгердовича князь Скиригаило, брат его, ***поима перелестию*** в Полотске»[154]. По приказу Владислава Ягайлы его старшего брата посадили в тюрьму. Местом заключения князя Андрея стал Щецинский замок[155]. Полоцкое княжество, как отмечает грамота от 25 апреля сего года, было отдано польским королем своему соправителю в Литве князю Скиргайлу[156].

Князь Андрей сидел в тюрьме до марта 1394 г., пока его родные братья Владимир, Федор и Скиргайло, а также новый великий князь Литвы Витовт не поручились за него[157]. Андрей был освобожден, но в Литве не остался, а бежал во Псков, куда прибыл 18 июля[158]. В этом городе уже несколько лет княжил сын Андрея – Иван[159]. Вместе они отразили осаду рати новгородцев. После окончания боевых действий Андрей Ольгердович «со пьсковьскыми послы» ездил в Новгород Великий, но «миру не возмя»[160]. Его последним политическим актом стало участие в

походе Витовта против татар. В сражении на реке Воркле он был убит[161].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Антиордынские взгляды князя Андрея после событий 1380 г. вновь пробудились лишь спустя почти двадцать лет. Его усилия в последние годы жизни были связаны с попыткой возврата и удержания своего прежнего владения – Полоцкого княжества. Когда это не удалось, князь оказался в знакомом ему с детства Пскове. Однако в это время он уже не обладает той былой военной мощью, земельными владениями, а следовательно, и авторитетом, которые Андрей Ольгердович имел в эпоху активного противостояния русских земель претензиям со стороны беклярибека и темника Ак Орды Мамая[162].

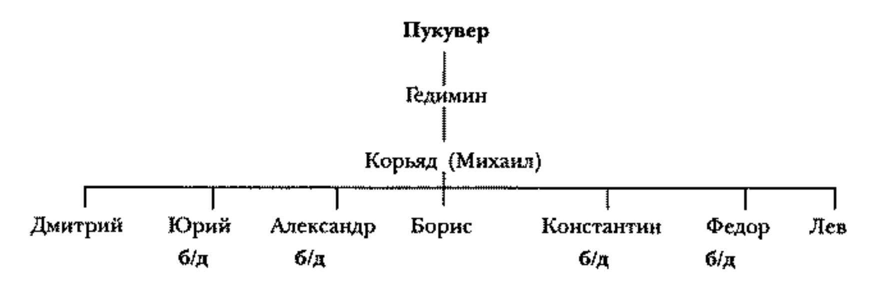
В чем-то схожей была и судьба Дмитрия Ольгердовича. На службе в Москве он находился приблизительно до 1388 г.[163] По-видимому, печальный итог деятельности старшего брата Андрея Дмитрия чему-то научил. Он не стал испытывать судьбу заново. Дмитрий вместе со своим двором не только вернулся на территорию Великого княжества Литовского, но и признал старшинство польского короля Ягайлы. Об этом прямо говорит его вассальная присяга, данная брату и его жене Ядвиге 13 декабря 1388 г. в Молодечно. Документ был скреплен тремя видными и весьма влиятельными боярами Литвы – Братошей[164], Минигайлом и князем Юрием Ивановичем Козушно[165]. Дмитрий вновь получил Трубчевское княжество, но уже без Старобуда Северского, который оказался занят. Здесь находился Патрикий Наримантович[166]. Далее источники о политической деятельности Дмитрия фактически молчат. Известно лишь несколько грамот, связанных с его именем. В них князь вновь, как отмечает И. Б. Греков, раз за разом был вынужден подчеркивать ошибочность своего прежнего союза с Москвой[167]. Ничего также не известно об антиордынских настроениях Дмитрия Ольгердовича вплоть до 1399 г. Вместе со своими близкими и дальними родственниками по второй жене – князьями Иваном Дмитриевичем Киндырем, Андреем Друцким, Михаилом Подберезским и его братом Александром – он погиб в битве на реке Ворскле[168].

О деятельности князя Дмитрия Корьятовича источники не сообщают. Его ранний брак с дочерью Ивана Ивановича Крас-

ного, возможно, косвенно свидетельствует в пользу того, что в семье он был старшим сыном. Если это так, то владения Дмитрия и его младшего брата Льва следует искать за пределами Подолии, где-то в другом месте, например, в Белой Руси или даже в Литве. По-видимому, это и объясняет то, что летописцы так долго о нем молчат.

Разбор биографических данных о сыновьях Корьяда приводит к следующим выводам. Часть его детей в 1363 г. села на княжении в Подольской земле и удерживала ее до начала 1395 г. Пытаясь обеспечить себе независимое положение, Корьятовичи признавали над собой политическую власть королей Польши или Венгрии. С этими правителями они были в постоянном политическом контакте и даже могли породниться (как, например, князь Константин). Некоторые Корьятовичи титуловались «господарями Подольской земли», а не князьями волынскими. Некоторые дети Корьяда правили в отцовских владениях в Белой Руси. Они состояли из старой столицы Великого княжества Литовского Новгородка, а также Гомея. Попытка Корьятовичей опереться в борьбе с Витовтом Кейстутьевичем на короля Ягайло (Владислава II) успеха не принесла. В середине 90-х гг. XIV в. они теряют свои владения в Подольской земле и должны были стать либо политическими иммигрантами, как князь Федор, либо признать над собой, как Дмитрий и Лев, сюзеренитет великого князя литовского. Однако даже при таком раскладе никто из них на службу в Москву не выезжал. Важно отметить и то обстоятельство, что «никто из Гедиминовичей в XIV в. не потерял княжеского титула, а ***сыновья Корьяда писались в источниках Корьятовичами, а не Михайловичами*** (выделено мной. — *А. К.*)» [169].

Приведенные выше сведения о Корьятовичах можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Еще одну версию политической деятельности Д. М. Боброка выдвинул автор статьи, изданной в «Русском биографическом словаре». Он написал следующее: «Боброкъ-Волынскій, кн. Димитрій Михайлович (Алибуртович), сын литовского князя на Волыни Коріата-Михаила Гедеминовича, воевода Димитрія Донского. Выехав из Волыни, он был сначала тысяцким у нижегородского князя Димитрия Константиновича, а затем перешел на службу в Москву». В отличие от А. В. Экземплярского, данный автор признавал, что от Д. М. Боброка «пошли роды Волынскихъ и Вороныхъ»[170].

Разбор этой версии вряд ли займет много времени. В ней также заметен принцип смешения биографий разных личностей, но не двух, как это было ранее, а уже трех. Д. М. Боброк отождествляется не только с Дмитрием Корьятовичем, но и с неким князем Дмитрием Алибуртовичем. Последнего из них В. О. Ключевский считал сыном Любарта Гедиминовича, который пришел в Нижний Новгород «съ береговъ Стыря или Западнаго Буга»[171]. Его точку зрения о происхождении этого князя Дмитрия поддержал И. А. Голубцов[172]. Однако отождествления Д. М. Боброка и Дмитрия Алибуртовича оба исследователя не предпринимали. Любопытно отметить, что о нем сохранилось всего одно известие, и то в весьма сомнительном источнике — «местной» грамоте нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича. Ее самый ранний список относится к 1721 г. Издатель неуверенно датировал документ 1367/68 г. В нем сообщается: «Велел садитись от своего места тысяцкому своему Дмитрею Алибуртовичу князю Волынскому, а под Дмитреем садится князю Ивану Васильевичу городецкому...»[173]. Поскольку институт местничества известен на Руси лишь с конца XV в., то говорить о достоверности данного документа нет смысла[174].

Между тем, пожалуй, лишь Г. А. Власьев, автор первого труда по истории семей Волынских и Вороных, сомневался в достоверности княжеского происхождения их предка. Свой скепсис известный генеалог попытался аргументировать с помощью сравнительного анализа. Он писал: «Мы знаем по родословным спискам много родов, якобы происходящих от Рюрика, и в особенности в семье Смоленских князей, бывших будто бы князьями и потерявших или сложивших с себя это высокое звание, как надо

полагать, потому, что, размножаясь, при делении наследств предков своих, измельчали, обеднели, и чувствовали себя в более нормальных условиях жизни»[175]. Г. А. Власьев попытался дать свою реконструкцию биографии основателя династии до момента его переезда на службу в Москву. Он отмечал: «... Дмитрий Михайлович был несомненно высокого происхождения, иначе едва ли Вел. Князь вошел бы с ним в родство. За тем, человек, оказавший величайшие заслуги Государству, и следов. не только стоявший в ряду первых вельмож, но и вполне обеспеченный материально, и потому не было никаких причин сыновьям его и их потомкам не носить княжеского титула. — Все это в большей степени навевает сомнения в истинности происхождения дворян Волынских от такого знаменитого князя. — Между прочим, самое прозвище — "Боброкъ" не намекает ли на то, что он был, может быть очень мелким, но тем не менее князем владетельным. На Волыни, в древней Червонной Руси, недалеко от города Львова, всего в 30 приблизительно верстах на ЮЮВ., находится местечко "Бобрка", на р. того же наименования, которое существовало и в наши древния времена ⟨...⟩ Река Бобра берет начало в Бережанском округе, близь местечка Портницы. Не был ли наш Дмитрий Михайлович владетелем местечка Бобрка и его окрестностей, и тогда было бы понятно его удаление из родных мест, так как Бобрка лежала совсем почти на границе с Польскими владениями, а в то время, т. е. около половины XIV столетия, вследствие упорных походов Польского короля Казимира Великого, с целью овладеть Волынью, эта местность первой подверглась страшным опустошениям, и неоднократно переходила из рук в руки, от Литовцев к Полякам и на оборот. Не имея достаточных сил для отражения Поляков, а может быть из-за нежелания сделаться подданным Казимира Великого, он предпочел бросить свое отечество и перейти в Москву»[176]. Без княжеского титула ранее упоминал Д. М. Боброка Волынского и С. М. Соловьев. Однако вопроса о происхождении знаменитого сподвижника великого князя Дмитрия Донского он не поднимал[177].

Действительно, сомнения Г. А. Власьева могли быть оправданными, если бы во второй половине XIV в. в Москве служил еще один боярин Дмитрий Михайлович. Так, например, в перемирной грамоте 1372 г. отмечается: «А отъ великого князя отъ Дмит-

рея Ивановича и ото князя Володимера Аньдреевича целовали кресть: ***Дмитрии Михаилович***, Иванъ Михаилович, Дмитрии Олександрович, Иванъ Федорович»[178]. В том же году князь Д. М. Боброк Волынский упоминался летописцем как воевода. Возникает вопрос: это один и тот же человек или же два разных?

Ответ на поставленный вопрос можно получить, если обратить внимание на видовую принадлежность источников, где фигурирует Д. М. Боброк. В. Л. Янин полагает, что «сам Дмитрий Михайлович в летописи титулуется князем, по-видимому, из-за того, что он был великокняжеским зятем»[179]. Данное наблюдение, конечно, справедливо, но лишь отчасти. Летописцы, как правило, отмечали повседневную социальную деятельность людей. В основном Д. М. Боброк выполнял функции командующего московской ратью. Это соответствовало его рангу и происхождению. Отсюда и обязательное его упоминание с титулом. Это выгодно выделяет Боброка на фоне других воевод из числа московских бояр. Однако когда речь шла о важных внутренних или внешних процедурах, то в документах официального происхождения отражался не потенциальный, а служебный статус человека. Д. М. Боброк – великокняжеский боярин, и именно это было отражено в грамоте. Его княжеский титул уже не соответствовал занимаемому положению. В Москву он отъехал без вотчины. Личный земельный фонд Д. М. Боброка состоял из владений, полученных из рук великого князя Дмитрия. Они находились в разных частях великого княжения. В этом смысле он ничем не отличался от других бояр, происходивших, кстати, из нетитулованной знати.

В какой-то степени аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Литве. Так, например, упоминавшийся ранее князь Юрий Иванович Козушно, в мирном договоре, заключенном с одной стороны великими литовскими князьями Ягайлом и Кейстутом, а с другой – представителями Ордена, назван просто «*baiaren Jorge Kasusna*»[180].

Иное дело – литовский князь Ямонт (Иван) Тулункович. В 1395 г. вместе с Василием Борейковым он стал наместником Витовта в Смоленске[181]. В 1398 г. «Ямантъ приездилъ от Витовта на Москву посольствомъ»[182]. Тогда же он упоминается среди поручителей великого князя литовского при заключении Салинского

договора. Причем в документе он фигурирует не как смоленский наместник, а как владетельный «*duces Jamunt de Kletzke*»[183]. Конечно, можно было бы предположить, что к этому времени он утратил свою прежнюю должность, но и это будет неверно. Летописцы, перечисляя погибших в битве с ордынцами на р. Ворскла 12 августа 1399 г. русских и литовских князей, упоминают и Ямонта, замечая, «*иже въ Смоленску бе*»[184].

Однако такой принцип отражения в источниках социальной природы человека сохранялся не всегда. Переломной эпохой в развитии этого явления стал рубеж конца XIV – начала XV в., когда вхождение в думу великого князя перестало вести к автоматической потере княжеского титула. С его утратой смирилась только небольшая группа фамилий, да и то происходящих преимущественно из Смоленской земли. На ее представителей на определенном этапе развития политических отношений между Русью и Литвой делались большие ставки, но когда они не оправдались, бывшим княжатам пришлось остаться в Москве. Одним, как Всеволожам и Заболоцким, удалось породниться не только с верхами местного боярства, но и с великокняжескими семьями Москвы, Суздаля и Твери. Это обеспечило им материальный достаток и значительное влияние при дворе. До начала XVI в. они не просто помнили о своем высоком происхождении, но имели и весьма полную родословную роспись. Другим потомкам мелких смоленских князей – таким, например, как Толбузины и Ржевские, пришлось довольствоваться более скромной ролью при дворах удельных князей. При этом их яркая и вполне достоверная легенда о происхождении страдала неполнотой, натяжками, разночтениями, а иногда и дефектами текста как раз за конец XIV – первую половину XV века[185].

Не была исключением в процессе утраты титула и фигура князя Д. М. Боброка. О его происхождении источники, как отмечено выше, молчат. Это нормальное явление. В большинстве случаев история некоренных московских родов начинается только с момента выезда их предка на службу к тому или иному великому князю. Фамильное прозвище Дмитрия Михайловича, что отметил еще Г. А. Власьев, должно вести нас не в Подольскую, а в Волынскую землю. Здесь, наряду с Гедиминовичами, еще правили и пользовались большими политическими правами местные кня-

зья, потомки Даниила Романовича Галицкого († 1264)[186]. Среди них видное место занимали князья Острожские. Давая им характеристику, западнорусский летописец в конце XVI в. отмечал: «Роман Даниловичь, о котором Кромер чинит взменку в книгах своих девятых, зоставил по собе сына Василия, князя Острозского ⟨...⟩ *вси то были князе спокойные*». Последний «зоставил по собе сына Данила, княжа на Острогу; по Даниле зостал сын его Феодор на Острогу»[187]. Двое последних упоминаются в источниках.

Так, например, известно, что в 1343/44 г. князь Даниил Острожский вместе с воеводой из Перемышля и частью местных бояр при поддержке татар, пришедших из Орды, пытались вытеснить польского короля с территории Волынской земли[188]. Однако эта акция успеха не имела[189]. Признав новую власть, они перешли на службу к литовским князьям. В докончании 1366 г. луцкого князя Любарта Гедиминовича к Казимиру III Великому, говорится, что «на то есмь приложилъ свою печать, и отець мой владика лучьскый Арсений, ***князь Данилий***, Васко Кирдеевичь, Иванъ воевода лучьскый, Иванъ Мьстишиньский»[190].

Князю Федору Даниловичу «и детем его» 8 апреля 1385 г. Чюрило Бродовский отдал «есми село свое Бродово» с просьбой «печаловати ся душою моею и жоны моее душею»[191]. 4 ноября 1386 г. польский король подтвердил права князя Федора Даниловича на владение замком Острог, к которому тянули Корецк, Заславль, Хлапотин, Иванин, Хрестович, Красн и Крупа[192]. По-видимому, приблизительно в это же время дети Любарта «князь великий» Федор (иногда Федот), а также князья Лазарь и Семен вместе с матерью княгиней Ольгой, дочерью Константина Васильевича Ростовского, внукой великого князя Ивана Даниловича Калиты, дали владельцу Острожска грамоту, что им ***«не уступатися у его отчизну и у его служебные»***[193]. Однако наибольший интерес у нас может вызвать его «правда» в верности. Она была дана после 1386 г. В ней упоминается не только князь Федор, становившийся наместником короля в городе Луцке, но и его брат Михаил Данилович[194]. 10 октября 1388 г. старший из братьев упоминался первым в числе русских князей и бояр, поручителей за Олехно[195].

Как свидетельствуют приведенные примеры, а также более поздние источники, социальный статус Острожских был близок

к тому положению, которое имели братья Корьятовичи в Подольской земле, хотя и не во всем. Они не обладали таким большим земельным фондом. Уже в конце XIV в. среди владений Острожских есть «служебные» земли. Однако, как и Корьятовичи, по крайней мере старший в роду имел одну весьма важную привилегию — право непосредственного подчинения польской Короне. Даже после того, как Витовт добился подчинения себе Луцкого княжества, Федор Данилович оставался ему неподсуден [196]. В 1399 г. Острожские приняли участие в неудачном походе великого князя литовского Витовта и Тохтамыша на хана Орды Тимур-Кутлуга и его эмира Едигея. В числе погибших 12 августа в битве на реке Ворскле встречаются имена «Михаила, князя Даньевича, брата его князя Дмитриа» [197]. Младшего из братьев некоторые летописцы прямо называют ***князем Волынским*** (!) [198].

Данное свидетельство заставляет нас сразу же вспомнить фамильное прозвище князя Дмитрия Михайловича Боброка. Несомненно, что указанные выше лица были его родственниками. В роду Острожских основная часть земли, а следовательно, и права принадлежали в XIV в. старшему в роду. Фамильное прозвище младших членов семьи уже отражало не конкретные права на когда-то большое древнерусское княжество, но, скорее всего, принадлежность к определенной княжеской династии. Примеров тому в конце XIV—XV вв. можно найти много как в Литве, так и на Руси. По-видимому, отец князя Дмитрия — Михаил не сумел по каким-то причинам передать свою «власть» сыну. Связано это могло быть либо с его ранней смертью, либо с какими-то иными причинами.

Обращает на себя внимание рассказ источников о событиях на Руси в 1348—1349 гг. В первый год летописец отмечает, что «***король Краковъскыи*** со многою силою ⟨...⟩ ***взя лестью землю Волыньскую*** и много зло христианомъ сотвори и церкви святыя претвори на латиньское богомрьзское служение». После этого происшествия Ольгерд Гедиминович послал в Орду к хану Джанибеку представительное посольство во главе со своим родным братом Корьядом. Как утверждает московский автор, его целью было «просити себе помощи на великого князя Семена». В ответ великий князь владимирский отправил к татарам своих киличеев. В Орде они заявили, что «Олгердъ со братьею улусъ его вотчину

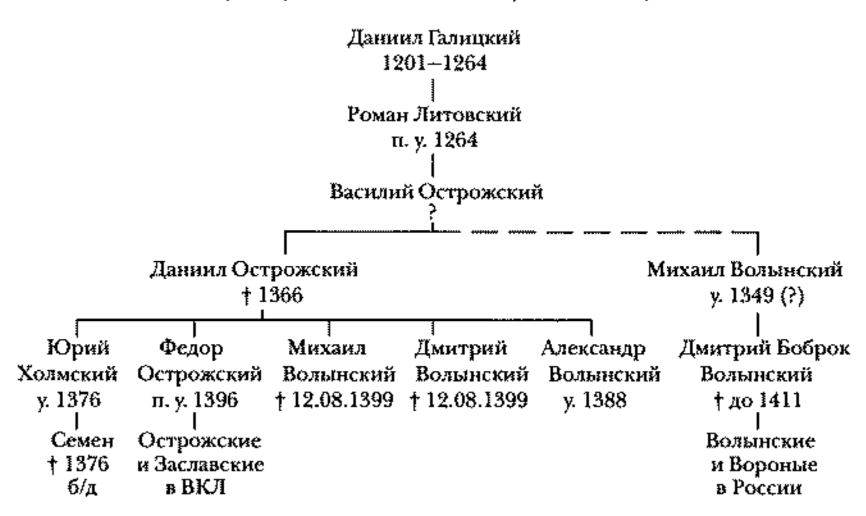
князя великого испустошилъ». После такого серьезного обвинения киличеи Семена Гордого легко добились выдачи «братьи» Ольгерда, «князеи Литовъскых», а именно — «Корьяда да ***Михаила,*** Семена Свислочского да Аикша, и дружину ихъ». В Москву пленных доставил «царевъ» посол Татуй. Ольгерд оказался в затруднительной ситуации и был вынужден напрямую обратиться к правителю Северо-Восточной Руси. Вероятно, он попытался объяснить, что посольство в Орду было направлено за помощью против Польши, а не Москвы. Это уже произошло в следующем году. Как отмечает торжествующий московский летописец, «великии князь ***Олгердъ присла на Москву*** послы своя к великому князю Семену со многыми дары и с челобитьемъ, ***прося мира и живота братьи своеи княземъ Литовъскимъ Корьяду и Михаилу*** и всеи дружине ихъ». Мир между великими князьями был установлен, а пленные отпущены в Литву. Однако только этим дело не кончилось. Сначала в том же 1350 г. в Москву «***присла*** к великому князю ***из Вельяня князь Любортъ,*** прося за собя сестричны его дщери княжи Костянтиновы Ростовъского, и дасть за него». После него появились уже послы самого Ольгерда, «прося за собя свести его дщери княжы Олександровы Михаиловича Тферьскаго княжны Ульяны». Великий князь Семен Иванович Гордый, «доложивъ Феогноста митрополита дасть ю за Олгирда» [199]. Таким образом, вчерашние противники стали близкими свойственниками.

Наш интерес в этих событиях занимает фигура князя Михаила. Возникает логичный вопрос, к какому же роду он относился? Ю. Вольф полагал, что источник указывает на Михаила Наримантовича Пинского [200]. Однако А. С. Грушевский и Ю. Пузына в данном случае менее категоричны [201]. Наступление Казимира III Великого на западнорусские земли волновало не только пришлых литовских, но и местных князей. Именно они, обладавшие меньшей силой, больше теряли прав от новых изменений. Как мне представляется, посылка Ольгердом в Орду племянника Михаила, наряду с братом Корьядом, выглядит несколько странной. С одной стороны, очевидно, что для политического веса и авторитета посольства было бы достаточно и одного Гедиминовича. С другой стороны, нельзя не учитывать и того момента (если, конечно, летописец конца XV в. не ошибся), что князья названы именно «братьей» Ольгерда [202]. Владения Михаила Нариманто-

вича находились вблизи галицко-волынских земель. Однако представляется не менее вероятным, что в данном случае мог упоминаться князь, чьи владения непосредственно попадали под власть Польши. Вспомним, что местечко Бобрка находилось рядом со Львовом, который был захвачен Казимиром III. Впрочем, недостаток источников, а точнее, отсутствие прямых указаний на деятельность Михаила Волынского и его тезки из Пинска, делают в настоящее время обе гипотезы вполне допустимыми, хотя и не без некоторых недостатков.

Таким князьям, как Михаил Волынский, по-видимому, приходилось на политической арене XIV в. долго находиться в тени старших родственников. Так, например, упоминавшийся выше брат Федора Михаил Данилович Волынский после 1386 г. также указывается в важных политических актах. Однако князем Острожским он не называется. Более того, младшая «братья» Федора и Михаила — Дмитрий и Александр вообще остались вне рамок данного документа. Это правовое различие исчезнет только в XV в. при наследниках Евстафия (Дашко) и Василия Федоровичей, когда земельный фонд семьи станет сопоставим с владениями других «принцев крови» и нетитулованных магнатских семей, добившихся от Ягеллонов существенного расширения своих прав и привилегий [203].

Сведения о князьях Острожских и Волынских за XIV век можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Появление князя Д. М. Боброка Волынского в Москве совпадает с начавшейся «реорганизацией военной службы» в Москве. Как полагает В. А. Кучкин, Дмитрий Иванович провел ее в 60-е гг. XIV в. Именно тогда, согласно наблюдениям исследователя (по текстам княжеских докончаний), усилилось «военное значение “двора” великого князя, состоявшего из бояр и слуг вольных», что прямо «указывает на изменение положения этой общественной прослойки» [204].

На службе в Москве князь Д. М. Боброк проявил себя как талантливый воевода. В 1371 г. он сумел разбить в битве на Скорнищеве такого маститого полководца, как Олег Иванович. Правитель Рязани потерпел не просто сокрушительное поражение. На время ему даже пришлось оставить свое княжение, которое было передано Дмитрием Ивановичем зятю Олега, союзнику Москвы — Владимиру Дмитриевичу Пронскому [205]. В 1372 г. Дмитрий Михайлович назван первым из бояр, целовавших крест за своих князей Дмитрия и Владимира при заключении мира с правителями ВКЛ и их союзниками из Смоленска и Твери [206]. 16 марта 1376 г. вместе с детьми нижегородско-суздальского князя Дмитрия Василием Кирдяпой и Иваном Д. М. Боброк нанес поражение войску вассалов Орды Мамая — князьям города Булгара Осану и Махмет-Салтану. Насколько эта победа была значительна, показывают цифры наложенной на врага денежной контрибуции. Сообща участники похода получили от татар пять тысяч рублей [207]. Для сравнения напомним, что в 1408 г. эмир Едигей получил окуп с Москвы всего в три тысячи рублей [208]. «Въ пятокъ» 9 декабря 1379 г. вместе с князьями Владимиром Серпуховским и Андреем Ольгердовичем Д. М. Боброк начал удачный поход на Северскую землю. Тогда москвичи «взяша городъ Трубческы и Стародубъ и ины многы страны и волости и села тяжко плениша» [209]. Главным результатом этой кампании стал выезд влиятельной части местной элиты на службу в Москву [210].

В 1380 г., как отмечает автор «Сказания о Мамаевом побоище», Д. М. Боброк уже «нарочит бысть полководець велми» [211]. По-видимому, к тому времени он уже был женат несколько лет на сестре великого князя Дмитрия. Поэтому не случайно, что во время сражения Владимир Андреевич обращается к нему со следующими словами: «***Брате мои Дмитрие***» [212]. Руководимый ими

Засадный полк решил на правом фланге исход битвы: «крепции мужи» были вовремя «направлени разумным своим воеводою»[213]. Полководческий талант Д. М. Боброка Волынского был достойно оценен потомками[214].

Возвращавшиеся с победой русские войска были торжественно встречены в Коломне. В 1381 г. здесь завершилось строительство каменного Успенского собора. Как полагают некоторые исследователи, тогда же князем Дмитрием Михайловичем вблизи города был основан Бобренев монастырь[215]. Археологическое изучение зданий этой обители подтверждает предание о времени основания обители. Каменный Рождественский собор, действительно, был построен в последней четверти XIV в.[216] По писцовым материалам 1577–1578 гг. обитель имела свой двор внутри города[217]. Сам монастырь находился «за посадом же за Москвою р.». Согласно описанию, монастырь для богослужения располагал значительным объемом дорогой утвари, икон и церковной литературы, причем последняя встречалась не только на бумаге, но и «на харатье». Среди его строений значились «церк. Рожество Пречистые, каменной ⟨...⟩ Да в манастыре же церк. Вход Ерусалима, да трапеза камены. ⟨...⟩ Да в монастыре же келья игуменская да келей пустых, а ворота святые обволилися, городба была въ заметь, погнила, обвалились; да у монастыря жъ дворъ конюшенной»[218]. «Вотчиной Бобренева монастыря» считались в Коломенском уезде следующие земли: «дер. Мячково, на рчк. на Хотве, а по конец поля р. Мелзынь», «дер. Макаровская, на рчк. на Кляпенке», «пуст., что была дер., Кокоурово», «пуст., что была дер., Сляпина, на рчк. на Сляпине», «дер. Передняя», «дер. Задняя», «пуст., что была дер., Веретейка», «пуст., что была дер., Черикова», «дер. Черкцова», «дер. Труинская, на рчк. на Вельи». Таким образом, в третьей четверти XVI в. он владел всего 6 деревнями и 4 пустошами, общий размер которых составлял «577 четьи съ осм. въ поле, а въ дву по тому же, сена 355 коп., лесу пашенного 2 дес., да непашенного лесу 32 дес.»[219].

В середине XVIII в., согласно описанию Г. Ф. Миллера, это небольшое общежитие находилось «за рекою Москвою, близ города, о коем записано следующее: Бобренев монастырь лежит в двух верстах от Коломны не при самой Москве-реке, но при озерке в приятной равнине, между пахотных полей, со всех сторон в

виду на многия версты. При монастыре деревня Бобрюхина, состоящая по ревизии из 93 душ мужескаго полу. В монастыре две церкви каменныя, одна большая новаго здания во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, другая старая, малая, Вход Спасителев во Иерусалим»[220].

Строительство князем Д. М. Боброком монастыря под Коломной не было случайным. Это косвенно свидетельствует в пользу того, что у Дмитрия Михайловича могли быть земли в данном уезде. Некоторые из его потомков владели здесь селами в Каневской волости[221]. Очевидно, что монастырь был семейным. Кроме вотчин под Коломной, кое-что Д. М. Боброк и его потомки имели и под Москвой. В 1572 г. в духовной грамоте царя Ивана IV Грозного отмечается «на Сетуне село Волынское с деревнями, со всем»[222]. Это село Волынское «з деревнями и съ пустошьми» упоминается в 1627 г. как бывшее владение боярина князя А. В. Лобанова-Ростовского[223]. Исследования Л. И. Ивиной показывают наличие вотчин и поместий Волынских и в Угличском уезде. По крайней мере, там они существовали уже не позднее первой трети XV века[224]. Большинство представителей рода в середине XVI в. служили по дворовым спискам, но не из Москвы. Это были ранее удельные города – Звенигород, Дмитров, Калуга, Ржева, Руза и Углич[225].

Сопоставляя данные о землевладении с местом службы большинства внуков Боброка, можно прийти к заключению, что они почти всем родом к 30-м гг. XV в. находились на службе у галицких князей Юрия Дмитриевича и его сына Дмитрия Шемяки. Объяснение этому можно находить не только во владении вотчинами на территориях удельных княжений, но и знанием в семье Волынских текста завещания великого князя Дмитрия Донского. Последний, как известно, четко прописал порядок наследования великого княжения. После Василия I здесь должен был править его брат Юрий Дмитриевич[226]. Однако события первой трети XV в. перечеркнули эти планы. Волынские по-прежнему продолжают сражаться с ордынцами, руководить «двором» своего князя, но путь в Москву оказался для них отрезан. Участие в феодальной войне середины XV в. привело к тому, что старшие родичи выбывают из круга великокняжеских бояр. Однако младшая ветвь сумела каким-то образом выдвинуться на службе у Ива-

на III и хотя бы частично восстановить позиции рода при московском дворе.

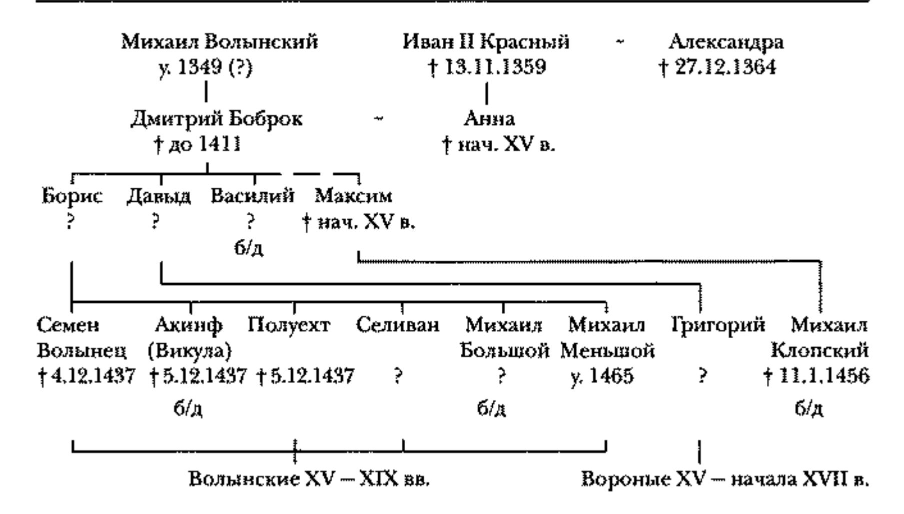
Между 13 апреля и 16 мая 1389 г. Дмитрий Михайлович в последний раз прямо отмечается в источниках. Он фигурирует в документе как первый свидетель из числа 10 бояр, послухов второй духовной великого князя Дмитрия Донского. Его последующая судьба подробно разобрана в статье В. Л. Янина. По данным родословца Волынских и синодика Клопского монастыря 1650 г., где записан «Род Михаила Клопского», исследователь восстановил картину личной драмы, которая произошла в семье. Она связана с ранней смертью третьего сына Дмитрия Михайловича — Василия, бывшего, кстати, племянником великого князя Дмитрия Московского. Эта трагедия привела к уходу боярина Д. М. Боброка и его жены Анны из мирской жизни. В. Л. Янин полагает, что монашеским именем Боброка стало Максим. Он дожил до начала XV в. Его сыном, по мнению исследователя, был известный позднее новгородский святой Михаил Клопский [227]. В целом такая версия последних лет жизни Д. М. Боброка благожелательно встречена в историографии [228]. Таким образом, открывается и хронологическое несоответствие в жизни князей Дмитрия Корьятовича и Дмитрия Михайловича. Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что любая попытка их отождествления ошибочна.

Возвращаясь к биографии Д. М. Боброка Волынского, отметим, что вновь открытые и более подробные в изложении информации синодики наводят на мысль, что родословная схема, предложенная В. Л. Яниным, возможно, нуждается в небольшом уточнении. Один из них, Ростовский соборный синодик, «вечную память» отмечал следующим лицам, умершим в самом начале XV в.: «Княѕю Лву Романовичу Новосильскому, ***княѕю Діонисію Волыньскому***, княѕю Кипріану Дмитреевичю Ґаличьскому, княѕю Глебу Василіевичю Дрютскому» [229]. Последний из князей [230] был убит в сражении на Лыскове 15 января 1412 г. [231] Таким образом, можно думать, что князь Д. М. Боброк умер до этой даты, скорее всего, даже до 1411 г. Его дети не только не носили княжеский титул, но и служили в боярах — см. ***Приложение № 2(а)*** [232]. Поэтому логично предположить, что данное известие относится не к Борису Дмитриевичу или его братьям, а к их отцу — Дмитрию

Михайловичу. Тогда получается, что христианское имя Максим могло принадлежать не Д. М. Боброку, а одному из его младших сыновей. Сам по себе пропуск имени основателя рода в данном случае, конечно, может насторожить. Однако заметим, что синодик не содержит полного перечня имен предков Михаила Клопского. В нем поминали «благоверного князя Константина, во иноцех Кассиана, ***инока Михея, схим. иноки Анны, схим. Максима***, иноки Александры, инока Созонта, иноки Фетинии». Как видно из приведенного текста, в нем отсутствуют имена великого князя Ивана Даниловича Калиты и его первой жены Елены, их сына Ивана Красного, внука Дмитрия Донского, жены последнего – Евдокии. Кроме того, источник опускает имена и современных Михаилу Клопскому великих князей – Василия Дмитриевича и Василия Васильевича Темного[233]. Возможно, это свидетельство об оппозиционном характере записи. Так, например, в синодике упомянут князь Константин Углицкий, который достаточно долгое время не ладил со старшим братом.

Если это предположение верно, то оно помогает объяснить и достаточно долгую жизнь Михаила Клопского. Ведь он умер лишь в 1456 г., когда с политической арены уже сошли почти все внуки Д. М. Боброка. Поскольку от Максима и Михаила род не пошел, то и смысла их включения в роспись Волынских не было. Последний вывод можно в какой-то мере подтвердить и редкой частотой упоминания их брата Василия, имя которого также часто опускалось переписчиками родословных книг. Таким образом, по-видимому, устанавливается имя четвертого (?) из сыновей Д. М. Боброка.

Приведенные выше сведения, а также данные родословных источников о семье Волынских за первую половину XV в. можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Липятины

В настоящее время нет ни одного исследования, специально посвященного изучению происхождения и истории рода Липятиных. Некоторые биографические данные о них, собранные С. Б. Веселовским, позднее не были им обобщены [234]. Сложность решения проблемы заключается в том, что источники довольно скупы на информацию о Липятиных. В основном сохранились только акты, которые отмечают службу представителей данной фамилии, а не их родственные отношения друг с другом. Поэтому о генеалогических связях Липятиных с представителями других княжеских фамилий средневековой Руси можно говорить лишь предположительно. Кроме того, отсутствует родословная роспись Липятиных, а следовательно, к приведенному ниже родословному древу данной фамилии следует относиться не более чем как к научной реконструкции.

В Успенском синодике после поминания лиц, погибших в Москве в 1382 г. от рук ордынцев хана Тохтамыша, имеется следующая запись: «Ивану Дмитриевичу, и сыну его Иоанну, и брату его Василью Березуйскому, ***Ивану Константиновичу Липятину, и сыну его Семену, убиеннымъ отъ безбожныя Литвы, вечная память***». В источнике они указаны ранее убитых «во градехъ, и въ селехъ мниховъ, и иереовъ, мужъ и женъ, и детскъ полъ отъ безбожнаго

Едигея»[235]. Последний, как известно, осаждал Москву в 1408 г. Таким образом, можно восстановить определенные хронологические рамки, к которым относится время жизни и службы в Москве хотя бы части из отмеченных в синодике князей, а именно — от 1380 до 1408 г.

Наше предположение находит подтверждение при обращении к повествовательным источникам. Так, Тверская летопись, описывая московско-литовскую войну 1406—1407 гг., замечает: «А иже ***подъ Вязмою*** быша Москвичи, и такоже граду ничтоже успеша, и отъидоша. Тогда же ***князь Липятычь Иванъ, воевода Московскый, отъ Литвы убиенъ бысть***»[236]. Воскресенская летопись сообщает, что вяземский поход 1407 г. начался «на Спасовъ день», т. е. 16 августа[237]. Война длилась не более месяца и окончилась перемирием, которое, по всей вероятности, было заключено до 14 сентября[238]. Таким образом, можно установить, что Иван Липятин погиб либо в самом конце августа, либо, что более вероятно, в самом начале сентября. Несомненно, упомянутый в данном случае князь и записанный для поминания в Успенском синодике Иван Константинович — одно и то же лицо[239]. Кроме того, из текста обоих источников выясняется, что Константин, отец князя Ивана, носил прозвище Липята[240]. Следовательно, именно он был родоначальником фамилии. Время жизни первых двух представителей рода Липятиных — это вторая половина XIV — начало XV в.

Интересно также отметить и то обстоятельство, что И. К. Липятин носил то же отчество, что и родоначальник старшей ветви рода князей Фоминских Федор Красный — *Константинович.* Родословная роспись последнего имеет ряд заголовков, например: «Род Фоминских князей и от них Карповы»[241], «Родъ Фоминскихъ князей и Березуйскихъ»[242] и др. В ней князь Константин называется то Фоминским[243], то Березуйским[244] — см. ***Приложение № 5*** (*а—в*). Наиболее полный заголовок содержит *Рум. ред.* 40-х гг. XVI в.: «Род Фоминских князей и Березуйских ***от князя Костянтина Березуйского***»[245]. Стоит напомнить, что в Успенском синодике Московского Кремля Липятины объединены и записаны для поминания как раз вместе с березуйскими князьями. Впрочем, среди них нет ни Федора Красного, ни его легендарной «братьи»; это не удивительно. Ведь князья Бере-

зуйские и Липятины, в отличие от детей Константина, погибли от рук литовцев. Кроме того, в родословной Фоминских пока не зафиксировано ни одного случая, чтобы этот князь был указан с прозвищем Липята. Между тем, приведенные ранее свидетельства явно не являются случайными. Поэтому предварительно можно говорить о достаточно близком родстве семей Липятиных и Фоминских, прямыми предками которых являлись князья Березуйские.

Зная, когда умер князь И. К. Липятин, теперь можно выяснить и время деятельности его сына Семена. Скорее всего, это первая половина XV в. В духовной грамоте великой княгини Софии Витовтовны, датируемой Л. В. Черепниным июнем-июлем 1451 г., отмечается: «А из Кол[оменскихъ селъ, изъ] своихъ прикуповъ даю сыну своему, великому князю Василью, Колычевьское село, Николцево село, ***Липятиньское село***, Чюхи[стово село]» [246]. По всей вероятности, приобретение данного села состоялось до или чуть позднее известных событий 1445—1446 гг., когда великокняжеская семья располагала значительными финансами. Однако какими же размерами обладало село «Липятинское»?

Обращение к писцовым материалам конца XVI в. позволяет установить, что в Коломенском уезде в это время было два села Липятино. Согласно книге «письма и меры» Д. П. Житова и Ф. Комынина в 1577/78 г. в Большом Микулине стане «за Григорьемъ да за Богданом за Васильевыми детми Хотяинцова, по даче 86-го году, а прежъ того было на оброке за Ивановыми крестьяны Шереметева, что было въ поместье за Петромъ за Григорьевымъ сыномъ Лихорева: ***пуст., что было с. Липятино, на рчк. на Коломенке***, а въ немъ пашни пер. сер. земли 60 четьи, да пер. жъ лесомъ поросло въ тычъ и въ колъ 460 четьи, и обоего пер. и кусторемъ поросло добр. землею съ наддачею 408 четьи в поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Коломенке и по заполью и по врагомъ 100 коп., лесу непашенного 50 дес.» [247].

Второе село Липятино располагалось в Каневском (!) стане. Во второй половине XVI в. оно было вотчиной Московского Чудова монастыря. Благодаря пространной записи писца можно установить имя прежнего владельца, размеры, причину и время его перехода в обитель. ***Село Липятино*** находилось «***на рчк. на***

Коширке, а преже того было въ вотчине за Огрофеною Волынскою, а въ селе церк. Воскресенье Христово, древена, клецки: пашни церковные 20 четьи въ поле, а в дву потомуже, сена на корнятинской пожне 20 коп.; пашни сер. Земли 88 четьи съ осм., да пер. 119 четьи съ осм., да пер. же кусторемъ поросло 55 четьи въ поле, а въ дву потомужъ, сена по рчк. по Коширке и по дубровамъ по Корятину и по Моклокуши 200 коп., лесу кустарю непашенного 20 дес.». Кроме того, к селу тянули «дер. Шугарово, на рчк. на Коширке», «пуст., что была дер. Береледова, на враге на Гнилуше», «пуст., что было селище Чюмасово, на вражке на Гнилуше». Всего за монастырем по подсчетам оказалось 688 четей земли с четвертью «въ поле, а въ дву потомужъ», а также 55 десятин леса[248].

Таким образом, каждое по отдельности село на Коломенке и Каширке вместе с тянувшей к ним землей имели весьма внушительные размеры — общую площадь более чем в 1600 четей земли и по 50–55 десятин леса. Поскольку второе Липятино находилось до 1540/41 г. в частных руках, то можно сделать вывод, что именно село на реке Коломенке, а не на Каширке и было куплено великой княгиней Софьей Витовтовной в середине XV в.

С. Б. Веселовский появление данного топонима в Коломне связывал с семьей Липятиных. Исследователь полагал, что Семен Иванович был убит в 1370 г. в битве с литовцами в Суходреве[249]. Однако такая датировка ошибочна. Если С. И. Липятин действительно погиб в этом месте, то это событие произошло в 1445 г. Тогда, против пришедшей на Русь литовской рати совместно под началом своих воевод выступили дети боярские, которые служили разным князьям: в Можайске — у внука великого князя Дмитрия Донского Ивана Андреевича (воевода князь А. В. Лугвица Суздальский), в Верее — у его брата Михаила Андреевича (воевода И. Ф. Судок Монастырев), в Боровске — у внука Владимира Храброго Василия Ярославича (воевода Жинев)[250]. К сожалению, С. Б. Веселовский не приводит источник информации, где бы точно сообщалось, что князь погиб именно в битве в Суходреве. Если его предположение верно, то получается, что к середине XV в. Липятины перешли на службу к удельным князьям. Однако запись князя Семена Ивановича в таком привилегированном документе, как придворный синодик Успенского собо-

ра Московского Кремля, в принципе, практически исключает такую возможность. Как правило, сюда вносились лица, служившие только великому князю, да и то не все, а наиболее близкие к нему люди и прихожане храма. Поэтому не стоит исключать возможность, что князь С. И. Липятин погиб в другом бою, сражаясь с литовцами. Впрочем, действительно, для первой половины XV в. наиболее существенным столкновением с военными силами ВКЛ была именно битва при Суходреве. Быть может, из этого предположения исходил С. Б. Веселовский? Если это так, то оно не находит подтверждения в летописи — источнике, который содержит наиболее подробный рассказ о потерях объединенной русской рати [251].

Учитывая годы жизни князя С. И. Липятина, можно сделать предположение, что, возможно, он или кто-то из его ближайших потомков (Макарий? или Федор?) продали великой княгине Софии Витовтовне часть наследственной вотчины. По крайней мере, других Липятиных, живших в середине XV в., источники не называют.

Чернеца Макария — по-видимому, близкого родственника (сына?) князя С. И. Липятина, упоминает С. Б. Веселовский как участника одного из актов 1465 г. [252] Обращение к архиву Троице-Сергиева монастыря подтверждает наблюдение исследователя, дает более подробные данные о духовной карьере Макария и свидетельствует о тесных связях с этой обителью не только потомков князей Фоминских, но и потомков других титулованных семей.

Деятельность Макария в монастыре была весьма разнообразной. Так, например, в одном из актов этот «старець» выступает «купчиной» в Москве, где покупает для своего монастыря у И. П. Захарьина, выступавшего от имени брата Гриди, деревню Оглоблинскую из Верхнего Березовца Костромского уезда. Документ датирован С. Б. Веселовским около 1455—1462 гг. [253], с чем, однако, трудно согласиться. Дело в том, что в двух меновых грамотах Троице-Сергиева монастыря «старого» келаря Иллариона и радонежского волостеля Ивана Прокофьева на пустоши в Радонеже, которые уверенно датируются 1455—1456 гг., первым из послухов был назван «Макарей, ***келарь троицкой*** Сергиева монастыря» [254]. Следовательно, купчая грамота не могла быть состав-

лена ранее 1455–1456 гг. Наше предположение о еще более ранней дате составления документа подтверждает одна приписка к данной 1447–1449 гг. бывшего радонежского боярина, чернеца В. Б. Копнина и его жены Марии. Как отмечается в списке источника середины XVI в., «а назади на грамоте подписана: Господину игумену Спиридону ***троецкому*** Сергиева монастыря, да ***господину келарю*** Макарью»[255]. Таким образом, меновая в Костроме могла быть составлена и до 1447–1449 гг.

В ряде документов 1450–1460-х гг. Макарий по-прежнему называется келарем[256], а в 1484–1488 гг. он уже был игуменом Троице-Сергиева монастыря[257]. Однако акты с его именем, к сожалению, не уточняют и не проливают свет на родственные отношения Макария с князьями Липятиными, за исключением того, что он действительно был представителем этой фамилии.

В конце XV – начале XVI в. на службе у Ивана III упоминается видный служилый человек Федор Федорович Липятин, который несомненно входил в число слуг «двора» великого князя. Однако, в отличие от И. К. и С. И. Липятиных, в источниках он указывается уже без титула. Впервые Ф. Ф. Липятин отмечен в купчей грамоте И. А. Злобы Ворыпаева, который купил у своего брата Ф. А. Ворыпаева половину села Некиматова (Екиматовского). Этот документ был написан после 30 марта 1486 г. В списке послухов, несомненно отражающем служебное положение местных землевладельцев, Ф. Ф. Липятин стоит вторым: ниже С. Ф. Блудова, но выше А. А. Уварова и Н. С. Писарева. Любопытно отметить, что данная сделка заключена на территории Каневской волости Коломенского уезда[258]. Таким образом, устанавливается, что и после продажи села Липятинского в середине XV в. у семьи Липятиных еще остались владения в данном регионе Руси. По-видимому, это и было то село Липятино, которое находилось на реке Каширке. Если вспомнить предполагаемое время деятельности основателя фамилии князя Константина Липяты, а также его сына Ивана, то оказывается, что во второй половине – конце XIV в. после выезда на службу в Москву кто-то из них получал в Коломне земли там же, где и князь Д. М. Боброк Волынский! Не проходили ли эти два события одновременно?

В 1496/97 г., согласно одной из тетрадей «Книг Московских» архива Посольского приказа, Ф. Ф. Липятин посылался в Каши-

ру «собрати оброки медвеные дворецково и клюшничьи пошлины, и записное», чтобы затем «отдати» их «Магмет-Аминю Обреимову сыну цареву казансково» [259].

Еще одна служба Ф. Ф. Липятина устанавливается из текста правой грамоты суда Е. И. Игнатьева и И. Т. Черного чудовскому старцу Логину, посельскому Ананию и монастырским крестьянам по тяжбе с черносошными крестьянами В. Мартюхиным и др. о лугах на р. Истре в Сурожском стане Московского уезда от 29 ноября 1504 г., найденного и опубликованного А. В. Маштафаровым. Здесь из речи ответчика Васюка Мухинского выясняется, что ранее «в Сурожице был *писец великаго князя* Федор Липетин». Он «земли мирил и луги писал». При этом, доказывая свою правоту, В. Мухинский ссылался, как и противная сторона, «на Федоровы книги» [260].

Наблюдения Ю. Г. Алексеева над деятельностью великокняжеских писцов конца XV – начала XVI в. позволяют приблизительно определить время, когда Ф. Ф. Липятин исполнял данную должность в Московском уезде. В 1498/99 и 1503/04 гг. этим занимался князь Василий Иванович Голенин Ростовский [261]. Однако в первый раз, очевидно, он описывал не весь уезд, а только его часть. Из текста духовной грамоты великого князя Ивана III, составленной около 1504 г., выясняется, что ранее «были къ Дмитрову приданы волости Московские: Рогож, Воря, Корзенево, Шерна городок, Сулишин и с Новым селом». За Москвой оставались «волости Сурожык, да Лучинское, да Радонеж с волостми» [262]. Таким образом, Ф. Ф. Липятин мог работать над описанием этой части уезда только в 1498/99 г., ибо в 1503 г. князь В. И. Голенин Ростовский, наряду с Ворей и Корзеневым, упоминается уже в Радонеже и Бели [263]. Последнее, возможно, связано с тем, что по духовной великого князя все шесть волостей, отошедших ранее к Дмитрову, должны были вернуться к Москве [264]. Кроме того, спустя год «князь великии Иван Васильевич всея Русии, посылал князя Василья Ивановича Голенина да с ним диака Максима Горина, а велел ⟨...⟩ от Московских станов и волостеи Дмитровским, и Рузским, и Звенигородцким станом и волостем розъездъ учинити» [265]. Между тем, Ф. Ф. Липятин в 1503 г. уже описывал Вологодский уезд. Об этом можно узнать из ряда сохранившихся актов.

Три документа с именем вологодского писца Ф. Ф. Липятина, его «товарища» С. И. Чюрляева и дворцового дьяка Афанасия Яковля опубликовал И. А. Голубцов. В 1503 г. они разбирали поземельный спор о сече между крестьянами Кирилло-Белозерского монастыря С. Гридиным, Ф. Степановым и др. из деревни Демьянцева и черных крестьян деревни Непотяговской Брюховской волости[266]. Чуть позднее с доклада писцам Ф. Ф. Липятину и С. И. Чюрляеву старец Иона с крестьянами П. Никифоровым и др. произвели разъезд и установили межу земле Непотяговской с монастырским починком Хомутовым[267]. Будучи после 1 октября в Лоскомской волости, Ф. Ф. Липятин выдал правую грамоту И. Л. Злобину на его деревни Михалеву и Минейцеву[268].

Еще один источник, связанный с именем Ф.Ф. Липятина, найден и опубликован С. М. Каштановым. Исследователь датировал его также около 1503 г. Это упоминание о правой грамоте с судного дела писца Ф. Ф. Липятина по тяжбе о землях деревень Тошенской волости – Тартышевской и Сараева[269]. Кроме того, как недавно выяснилось, 15 августа Ф. Ф. Липятин, С. И. Чюрляев и дьяк А. Яковль разбирали тяжбу мелкого вотчинника И. И. Осколка Кострова и крестьянина С. М. Ермолова о земле сельца Ермолинское, деревни Нестерово и починка Дорок. Ее список найден и опубликован А. В. Антоновым и К. В. Барановым. Грамота датирована около 1503 г.[270]. Таким образом, устанавливается, что деятельность Ф. Ф. Липятина не выходит за рамки начала XVI в.

Данные писцовых материалов позволяют сделать вывод, что последним, причем единственным владельцем села Липятина была Аграфена, жена В. И. Волынского. Тесть Аграфены – Иван Михайлович – в 1490-е – начале 1500-х гг. был дворецким в Новгороде Великом, имел думный чин боярина[271]. Василий – его третий сын – см. ***Приложение № 2*** (*а–б*). Поместья отца в Новгородской земле муж Аграфены не унаследовал, так как перебрался на службу к удельному углицкому князю Дмитрию Ивановичу Жилке. Последний скончался 14 февраля 1521 г.[272] Согласно завещанию этого князя, ряд его владений в Кадке отошли к местному Воскресенскому монастырю. Среди них, как отмечает Л. И. Ивина, значилось и «поместье Василия Волынского»[273]. Обращение к актам показывает, что в ноябре 1521 г. В. И. Волынский делает

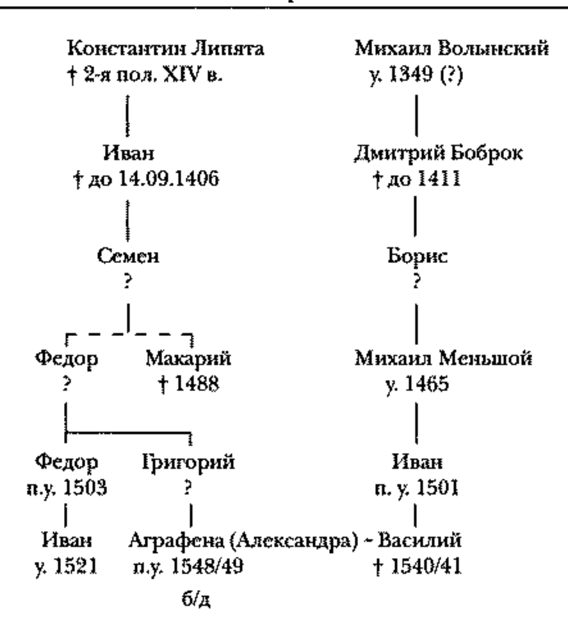
крупные расходы. Он покупает у И. И. Сукова и его сына Василия село Остафьево и пустошь Давыдовскую в Каневской волости Коломенского уезда. Из текста полюбовной разъезжей грамоты 1551/52 г. старцев Троице-Сергиева и Чудова монастырей можно установить, что земли сел Остафьево и Липятино в Каневском стане граничили друг с другом [274]. Среди послухов во второй купчей 1521 г. после видных приказных деятелей Е. С. Сукова, Ш. С. Лодыгина, а также И. Г. Плушкова упоминался ***«Иван Федоров сын Липатина»*** [275]. По-видимому, это сын Ф. Ф. Липятина. Несомненно, что послух И. Ф. Липятин участвовал в этой сделке не только как близкий родственник Волынских, но и как местный землевладелец.

В описи архива Чудова монастыря 1755 г. упоминался «за печатью красного воску» подлинник (?) жалованной и несудимой грамоты великого князя Ивана IV В. И. Волынскому на село «Липетино» с деревнями. Документ датируется 29 марта 1539 г. [276] Однако спустя год В. И. Волынский почувствовал себя плохо и составил завещание [277]. В том же 1540/41 г. его жена Аграфена, Григорьева дочь Федоровича Липятина, отдала архимандриту Ионе в Чудов монастырь село Липятино, деревни Веригино и Овинищи, а также ряд пустошей в Каневской волости Коломенского уезда [278]. Судя по писцовому описанию 1577/78 гг., не все они уже значились за монастырем. Впрочем, для нас важно другое. На момент вклада села Липятина с деревнями в Московский Чудов монастырь А. Г. Волынская оказывается его единственной наследницей. Поэтому можно предположить, что ее близкий родственник Иван умер раньше (в 1539 г.?) [279]. Интересно также заметить, что с селом Липятино в Каневской волости непосредственно соседствовало село Семеновское, бывшее в XVI в. уже в поместной раздаче [280]. Не было ли оно ранее за князем Семеном Ивановичем Липятиным?

Однако, как и ранее с Макарием, сведения источников о Ф. Ф. Липятине ни в коей мере не помогают установить его прямые родственные связи с князьями Липятиными за период первой трети – середину XV в. Остается неясным, почему этот род потерял княжеский титул. Возможно, некоторые предположения на сей счет проливают события 1446 г.

13 февраля 1446 г. в Троице-Сергиевом монастыре Василия II о готовящемся заговоре предупредил Бунко. Однако великий князь «не ять ему веры, поне же бо ***тоть Бунко за мало прежде того отъехал ко князю Дмитрею»***[281]. Владения этого служилого человека находились в Коломенском уезде. Так, например, в духовной 1451 г. в числе «прикуповъ» Софьи Витовтовны значилось «оу Малина ***Ивановъское село Бункова»***[282]. Когда после ареста и ослепления ее сына «***дети боарьскые и вси людие биша челом служити князю Дмитрею, и приведе их к целованью крестному всех»***, лишь Федор Васильевич Басенок отказался выполнить это. Как известно, за такой дерзкий поступок «князь же Дмитреи повеле възложити на него железа тяжкы и за сторожи дръжати его». Однако вместе с приставом Ф. В. Басенок бежал в Коломну, где «многых людеи подговорилъ съ собою». Вряд ли многие из них были местными землевладельцами, ибо позднее перед отъездом в Литву они «пограби уезды Коломеньскые»[283]. Таким образом, выясняется, что основная масса местных служилых людей, в отличие от событий 1433 г., перешла на сторону Дмитрия Шемяки. Эти шатания позднее были учтены великим князем, и некоторые из лидеров местной знати перестали попадать в великокняжескую думу (например, члены боярских родов Мининых и Старковых). Быть может, в числе последних оказались и Липятины? Вспомним, что в Каневеской волости они оказались соседями Троице-Сергиева монастыря. Многие его монахи были участниками заговора 1446 г. Возможно, среди них находился и Макарий Липятин, который, судя по времени, в 1445—1446 гг. только начинал (?) свою духовную карьеру.

Приведенные данные о князьях и дворянах Липятиных предположительно можно свести в следующую генеалогическую таблицу:

Таким образом, рассмотренные выше источники позволяют только приблизительно восстановить родословное древо семьи Липятиных. К сожалению, прямой связи между ними и князьями Липятиными конца XIV – начала XV в. на основе актового материала установить не удалось. Впрочем, видная духовная карьера Макария, ставшего в конце жизни игуменом, дает некоторую надежду на то, что, возможно, его род был записан в синодик Троице-Сергиевой обители. К сожалению, среди источников по истории данного монастыря «наименее изученными являются синодики и кормовые книги»[284]. Поэтому для завершения научного поиска в перспективе необходимо привлечь для работы подлинные тексты памятников поминального культа Троице-Сергиева обители, где, возможно, могут находиться лица за интересующий нас период. Определенные намеки на перспективу данного пути указывает вкладная книга монастыря, отмечающая следующее: «7049 (1541)-го году ***дала вкладу Огрофена Васильевская жена Ивановича Волынского*** по муже своем Василье и отце ево, и по матери, и ***по своем отце и матери, и по родителех*** вотчину мужа своего, купленную в Коломенском уезде, сельцо Остафьевское со всеми угодьи, а даная писана в вотчинной книге в Коломне глава»[285].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Баумгартен Н.* [*А.*] *фон.* К происхождению князей Вяземских // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 64.

[2] *Савелов Л. М.* Лекции по генеалогии. М., 1909. С. 123; *Власьев Г. А.* Род Волынских. СПб., 1911. С. 2.

[3] *Кузьмин А. В.* Формирование властной элиты Северо-Восточной Руси XIII–XV вв.: проблема источников и генеалогии // Теоретико-методологические проблемы исторического познания: Материалы к междунар. конф. / Под ред. В. Н. Сидорцова, В. С. Кошелева, Я. С. Яскевич. Мн., 2000. Т. II. С. 217–219.

[4] *Савелов Л. М.* Указ. соч. С. 123.

[5] ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 230–231. Л. 327 об. – 329 об. (Последние исследования о Типографской летописи, ее редакциях и ряде списков первой половины XVI–XVIII вв. см. в статьях: *Сербина К. Н.* Типографская летопись 1528 года. Ч. I // ВИД. Т. XXII. Л., 1991. С. 174–187; *Лурье Я. С.* Летопись Типографская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. II: Л–Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 63–64; *Он же.* Летописи // Литература Древней Руси: Библиогр. словарь / Сост. Л. В. Соколова; Под ред. О. В. Творогова. М., 1996. С. 104; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. XXIV. С. V–XI).

[6] См. например: *Мятлев Н. В.* Челобитная Михаила Татищева. М., 1907. С. 9; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 331; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI века. М., 1988. С. 223.

[7] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 12–13.

[8] ПСРЛ. Т. XXIV. С. 230. Л. 329.

[9] *Бычкова М. Е.* Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI–XVII веков // Рим, Константинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII века / Отв. ред. А. Н. Сахаров и П. Каталано. М., 1997. С. 268.

[10] См., например, родословные материалы, помещенные в Архивской (Ростовской) летописи, дошедшей в списке конца XVII или начала XVIII в. (РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 20/25. Л. 848–849). В ее основу был положен Новгородский свод 1539 года (См.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 44–45; *Лурье Я. С.* Летопись Архивская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. II. С. 37 и др.).

[11] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. М., 2000. Стб. 458–459; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 229. Л. 321.

[12] РИИР. Вып. 2 / Сост. М. Е. Бычкова. М., 1977. С. 77. Л. 1 об.

[13] РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 36–38 об.

[14] РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611.

[15] Там же. С. 139. Л. 107.

[16] Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... (*далее* – БК). М., 1787. Ч. II. Гл. 21. С. 43. До составления Бархатной книги в XVII в. эта версия весьма часто отмечалась в частных редакциях Государева родословца (См., например: РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Родословная книга 1664 г. князя А. И. Лобанова-Ростовского. Гл. 30. Л. 273).

[17] *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции) / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1983. С. 60. По мнению Я. С. Лурье, события 1380 г. закрепились в древнерусской литературе и летописании в интерпретации радонежских книжников («Сказание о Мамаевом побоище») в середине XV – начале XVI в. (См.: *Лурье Я. С.* Русь XV века: отражение в раннем и независимом летописании // ВИ. 1993. № 11–12. С. 5). Однако в памятнике очевидны трансформации текстов разных авторов (ср.: Повести о Куликовской битве: Тексты, переводы и комментарии / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров; В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 56, 90, 101, 135, 180 («Всеволожи») и 68–69, 180 (князья Всеволодовичи).

[18] *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 117; *Он же.* Куликовская битва. М., 1980. С. 49; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. С. 356, 370; *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 331, 491; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 223; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 49; *Петров А. Е.* Историческая информация о Куликовской битве в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» // Исследования книжных памятников: История. Филология. Источниковедение: Сб. науч. ст. / Ред.-сост. Л. И. Илларионова; Науч. ред.: В. М. Кириллин, М. П. Панфилов. М., 2000. С. 114 и др.

[19] См. например: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 229. Л. 327; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 848; РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611.

[20] АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 54. С. 55; РИИР. Вып. 2. С. 11. Л. 585; РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Родословная книга великих и удельных князей, княжеских и боярских и дворянских родов. Гл. 2. Л. 28; Родословная книга по трем спискам // Временник имп. МОИДР. 1851. Кн. X: Материалы. С. 26, 133; ПСРЛ. Т. XXV. С. 250. Л. 348 об. – 349. В синодике придворного Успенского собора Московского Кремля есть интересная запись: «Благовернымъ Княгинямъ... и *Княгине Елене Андреевне*, и Княгине Улиане, нареченной въ мнишескомъ чину Елене, Васильеве *Володимиричихъ, вечная память*» (ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. VI. С. 445).

[21] ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 142; Т. XXIV. С. 181. Л. 254, под 6930 годом; Т. XXV. С. 245. Л. 342 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 451.

[22] ПСРЛ. Т. XXV. С. 250. Л. 348 об.–349.

[23] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 339–340; *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 49–50.

[24] БК. Ч. I. Гл. 10. С. 95.

[25] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 65–85.

[26] Родословная книга по трем спискам. С. 246–247.

[27] РИИР. Вып. 2. С. 26. Л. 594 об.

[28] Родословная книга по трем спискам. С. 53.

[29] ПСРЛ. Т. X. М., 1965. С. 178. Старший сын этого князя погиб в бою с ратью князя Андрея Вяземского под Дорогобужем в 1300 г. – ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. М., 1997. Стб. 485. Л. 171 об.; Т. XXV. С. 392 (стр. 441); средний – Василий Брянский – скончался в 1314 г. (Там же. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 36. Л. 265; Тверская летопись // Там же. Стб. 408; Т. X. С. 178); младший – Иван Смоленский – умер в 1359 г. (Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 67; Т. X. С. 231).

[30] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 331.

[31] Псковская летопись, изданная на иждивении ОИДР, при Московском университете, М. Погодиным. М., 1837. С. 22; ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 354. Л. 210; ПЛ. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 18. Л. 28; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 24. Л. 92–93, 172. Л. 19–19 об.

[32] *Кузьмин А. В.* Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV–XVII вв.: Тезисы докладов и выступлений научной конференции. М., 1997. С. 3–7. С учетом новых данных родословных источников доклад вновь был озвучен на 428-м заседании ОИДР, состоявшемся 22 апреля 1998 г. (см. «Хроника заседаний Общества исследователей Древней Руси в Литературном институте»: *Кузьмин А. В.* К истории формирования московского боярства XIV – начала XV века: «Родъ Всеволож Заболоцкихъ» // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. М., 1999. № 1. С. 84–85).

[33] *Шокарев С. Ю.* К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. М., 2001. № 1. С. 19–20.

[34] ПЛ, изданная... М. Погодиным. С. 33; ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 28. Л. 176 об., под 6876 годом; 103–104. Л. 36, под 6876 годом (Ср.: Там же. Т. III. С. 369–370. Л. 221, под 6875 годом).

[35] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 490–491.

[36] Там же. С. 332. С. В. Веселовский, как и большинство историков его времени, датировал докончание русских и литовских князей 1371 г.

[37] ДДГ. М.; Л., 1950. № 6. С. 22. О точной дате заключения мира см. в ст.: *Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. Ч. I–II

// Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2000. № 1. С. 11–39; № 2. С. 1–14.

[38] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 169–173; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 191.

[39] РИИР. Вып. 2. С. 118. Л. 68; См. также: Там же. С. 50. Л. 610 об.

[40] РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58.

[41] ПСРЛ. Т. XXV. С. 393 (стр. 443).

[42] Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 86. Л. 152 и др.

[43] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 166.

[44] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 260–274, 319–351.

[45] РИИР. Вып. 2. С. 50. Л. 610 об., 118. Л. 68; РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58.

[46] *Морозов Б. Н.* Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV веков // Историческая генеалогия. Вып. 2. Екатеринбург; Париж, 1993. С. 42. Л. 311 об. – 312.

[47] *Морозов Б. Н.* Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV веков (Исследование) // Там же. Вып. 4. Екатеринбург; Париж, 1994. С. 14–19.

[48] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 163, 165.

[49] ДДГ. № 2. С. 13; Л. В. Черепнин предлагал датировать грамоту 1350–1351 гг. Более точно – 1348 г. – это сделал В. А. Кучкин (см.: *Кучкин В. А.* Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Сб. ст. М., 1984; *Он же.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // ИСССР. 1988. № 4. С. 151). Его датировка поддержана в современной историографии по данному вопросу (см., например: *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. Введение: Историческая география завещания Ивана Калиты. М., 1993. С. 36).

[50] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 66. Л. 285.

[51] *Конев С. В.* Синодикология. Ч. II: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. С. 98. Это уникальное указание источника позволяет видеть в поминавшемся в Успенском синодике среди московских бояр XIV в. «Андрее Александровиче» именно Андрея Кобылу (ДРВ. Ч. VI. С. 452).

[52] РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58; См. также: РИИР. Вып. 2. Гл. 12. С. 118. Л. 68. В *Лет. ред.* опущено имя среднего сына Дмитрия Александровича Зерна – Константина (Там же. С. 50. Л. 610 об.).

[53] ПСРЛ. Т. XXIV. С. 223. Л. 335; АФХиЗ. М., 1951. Ч. I. № 1. С. 24; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 847.

[54] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 372–373. Л. 245 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 406.

[55] Это – датировка М. П. Погодина и А. А. Зимина (*Погодин М.* [*П.*] Свидетельства о местничестве за долго до Иоанна III, при в. к. московском Василие Димитриевиче и Димитрие Донском // Москвитянин. 1843. № 1. Ч. I. С. 231. Прим. 4; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI века // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 112). Л. В. Черепнин предлагал данную грамоту «датировать временем со второй половины сентября 1406 г. по начало июня 1407 г.» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 86).

[56] ДДГ. № 20. С. 57.

[57] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 23, прим. 29; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 87. Правда, позднее в очерке о потомках Д. А. Зернова С. Б. Веселовский все же склонялся к выводу о том, что в духовной великого князя все-таки был отмечен его сын Иван Красный, а не И. Д. Всеволож (*Веселовский С. Б.* Исследования... С. 168–169).

[58] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 22, 168–169.

[59] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 406–407; *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 149.

[60] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 76.

[61] *Кузьмин А. В.* Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV – начале XV века: (Заметки по древнерусской генеалогии и сфрагистике) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 11–13 ноября: В 2 ч. / Сост. В. Ф. Андреев. Ч. II. Великий Новгород, 1999. С. 161–164.

[62] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: Тверская летопись. Стб. 481. Позднее князья помирились, и 15 января 1416 г. Василий I женил своего старшего сына Ивана на дочери князя Ивана Владимировича Пронского (Там же. Стб. 487).

[63] Это уникальное известие помещено в Тверской летописи (См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 483). Как полагал Я. С. Лурье, статья за 6916 г. относится «видимо, к рассказу московского летописца, бежавшего в Тверь» (*Лурье Я. С.* Русь XV века. С. 5).

[64] АСЭИ. Т. I. № 30–31; *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях: XIV–XV века / Сост. Л. И. Шохин; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1992. С. 71; *Антонов А. В.* Перечни актов Переяславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церквей XIV – начала XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997. С. 49. № 6; *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 65, 219 (см. табл. 1, № 134).

[65] ДДГ. № 21. С. 59; № 22. С. 62. Ср. аргументы сторон: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... Ч. I. С. 88–92; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV веков

// Проблемы источниковедения. Т. VI. М., 1958. С. 292–294. Оба исследователя не обратили внимания на то, что в документе нет упоминания о дочери Василия – Марии. Следовательно, грамота была составлена в 1418 г. не только после смерти нижегородского князя Александра Ивановича, мужа ее старшей сестры Василисы, но и после свадьбы князя Юрия Патрикеевича и Марии Васильевны.

[66] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 328. Прим. 254.

[67] *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. Л., 1966. С. 92.

[68] Между 1428–1437 гг. его жена Соломонида и младший сын Никита отдали в Троице-Сергиев монастырь «пустошь в Кинеле Добрынинскую со всем, что к ней потягло» (АСЭИ. Т. I. № 58. С. 57).

[69] ДРВ. Ч. VI. С. 449.

[70] В нем поминали: «Великаго князя Романа Стараго Черниговскаго и княгиню его Анну, *и сына его князя Олга Романовича, великаго князя Черниговскаго,* Леонтия, оставившего дванадесять темъ людей, и приемшаго аггельский образъ, во иноцех Василия» (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26; См. также: *Милорадович Г. А.* Любеч, Черниговской Губернии Городницкого Уезда, родина Преподобного Антония Печерского // Чтения в имп. МОИДР. 1871. Кн. 2: Материалы отечественные. С. 35. № 23).

[71] ПСРЛ. Т. XXV. С. 152. Л.; Т. X. С. 154, под 6786 годом.

[72] Там же. Т. XXV. С. 159. Л. 204 об.; Т. XXXIX. М., 1994. С. 97. Л. 163 об.

[73] Там же. Т. I. Вып. 3. Стб. 531, под 6849 годом; Т. XXIV. С. 117. Л. 166, под 6848 год. Князь был убит брянчанами «на память святаго отца Николы» (Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 53; Т. XXXIX. С. 107. Л. 182 об., под 6848 годом).

[74] *Александров Д. Н.* Источниковедение и историография Средневековой Руси. Вып. 1. М., 1999. С. 88–89.

[75] Подробнее см.: *Горский А. А.* Брянское княжение в политических взаимоотношениях Смоленска, Москвы и Литвы (XIV в.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина / Отв. ред. Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев. М., 1990. Ч. I. С. 56–57; *Он же.* О времени и причинах перехода Брянска под власть смоленских князей // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Сборник статей и тезисов докладов Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина / Сост. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова, А. Л. Хорошкевич. М., 1999. С. 118–119; *Он же.* Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 30–34, 37–41. (Благодарю Антона Анатольевича Горского за консультацию по данному вопросу.)

[76] Поскольку критическую оценку генеалогическим построениям Д. Н. Александрова дал А. А. Горский, отсылаю к его работе: *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв. С. 95–96, прим. 45; с. 110, прим. 29.

[77] Данное обещание Д. Н. Александровым до сих пор не выполнено.

[78] *Александров Д. Н.* Источниковедение... С. 89–90.

[79] Там же. С. 92.

[80] *Кузьмин А. В.* Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV–XVII вв.: Тез. докл. и выступл. науч. конф. М., 1997. С. 3–7.

[81] См., например, в ст.: Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI вв. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 28. Л. 13.

[82] *Александров Д. Н.* Источниковедение... С. 95.

[83] *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 334, 347–349, 356–358; *Алексеев Ю. Г.* Род Волынских. С. 58–59, 91–92; *Черкасова М. С.* Землевладение... С. 65, 77, 219 (Табл. 1. № 134).

[84] *Власьев Г. А.* Аграрная и социальная история... С. 2.

[85] ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 435. Л. 372 об., под 6871 г.). Годом ранее Переяславль-Залесский был отнят великим князем Дмитрием Ивановичем у великого князя Дмитрия Константиновича. Подробнее о князе Иване см. раздел **«Ржевские»**.

[86] «Князь же Дмитреи Олгердовичь Трубческыи не ста противу на бои, но выиде из града со княгынею своею, з детми и з бояры, и иде на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичю. *Князь же великы приятъ его с любовью и дастъ ему град Переславль со всеми пошлинами»* (Там же. Т. XXV. С. 200–201. Л. 275 об.–276).

[87] «Приеха из Литвы к великому князю служити князь Александръ Нелюбъ, сынъ княж Ивановъ Олгимонтовъ, а с ним много Литвы и Ляховъ. *Князь же великы приемъ его с любовью, дастъ ему град Переславль»* (Там же. С. 234. Л. 327).

[88] Dlugosza Jana Roczniki czyli kroniki sławnego krulestwa Polskiego. W-wa, 1982. Ks. 10. S. 25; 1985. Ks. 11. S. 90. «Месяца июля 26 приеде к великому князю изъ Бряньска князь Литовъскы Швитригаило Олгердович служити (...) *Князь же велики Василеи Дмитреевич приять его с честью и дастъ ему* град Володимерь со всеми волостьми и с пошлинами и съ селы и съ хлебомъ, *тако же и Переславль*, по тому же и Юрьевъ Польскы и Волокъ Ламъскы и Ржеву и половину Коломны» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 237. Л. 332–332 об.).

[89] Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Wydali St. Kutrzeba, Wł. Semkowicz. Kraków, 1932; *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. W-wa, 1968. S. 10–21; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М., 1980. С. 49–51, 73–93, 100–104, 107, 111–112; *Флоря Б. Н.* Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Там же. С. 142–173.

[90] *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 56.

[91] РИИР. Вып. 2. С. 54. Л. 613–613 об.; См. также: Родословная книга по трем спискам. С. 111–112; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 377. Прим. 2 (Родословец П. Ф. Лихачева) и др.

В сборнике родословных материалов конца XV – начала XVI в., расположенных в конце текста Типографской летописи, росписи Волынских еще нет – ПСРЛ. Т. XXIV. С. 227–233. Л. 319–335 об.; См. также: РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Архивская (Ростовская) летопись конца XVII – начала XVIII века. Л. 845–851. По-видимому, появление родословной Волынских следует связывать с восстановлением позиций семьи при великокняжеском дворе. Оно произошло благодаря деятельности старшего сына Михаила Борисовича Меньшого – Ивана. Находясь на службе у Ивана III, он стал боярином, а также дворецким в Новгороде Великом (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки... С. 33–34; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в России в XVI веке: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 175). Очевидно, столь высокое назначение могло позволить И. М. Волынскому повлиять на решение властей испоместить в Новгородской земле большую часть его родственников (О земельных владениях последних см. в кн.: *Власьев Г. А.* Род Волынских. СПб., 1911; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. Ч. I: Частное землевладение. М.; Л., 1947. С. 290–293). Любопытно также отметить, что время его высокого положения при дворе практически совпадает с моментом создания «Сказания о Мамаевом побоище». Это произведение, по мнению Б. М. Клосса, создано между 1513–1518 гг. коломенским епископом Митрофаном (*Клосс Б. М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 253–262).

[92] РИИР. Вып. 2. С. 148. Л. 122; См. также: РГАДА. Ф. 181. №173/278. Гл. 49. Л. 281.

[93] Ср.: РИИР. Вып. 2. С. 54. Л. 613–613 об.; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 178 об. и др.

[94] По наблюдению М. Е. Бычковой, в сравнении с другими списками данной редакции Архивский III имеет более полное родословие Волынских (*Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 48–49, 51).

[95] РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78.

[96] *Бычкова М. Е.* Родословные книги... С. 33.

[97] Ср.: РИИР. Вып. 2. С. 148. Л. 122 и РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78.

[98] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285.

[99] *Кучкин В. А.* Боброк – Волынский // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. Т. I: А–Д / Глав. ред. В. Л. Янин. М., 1994. С. 249.

[100] Брак великого князя Дмитрия Ивановича и Евдокии Дмитриевны состоялся 18 января 1366 г. (*Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 66).

[101] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки.... С. 377. Прим. 2.

[102] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 1993. Т. V. С. 28; *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М., 1989. С. 318; Р[уммель] В. [В.] Волынскіе // Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. VII: Волапюкъ – Выговскіе. СПб., 1892. С. 125; Р[удаков] В. [Е.] Волынскіе // Энциклопедический словарь: В 12 т. Биографии. Т. III: Вакидій – Герардеска. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. М., 1993. С. 451; *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 285; *Он же.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 71; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва. М., 1997. С. 285, 287, 315, 321, 324–326; *Мавродин В. В.* Образование... С. 128; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 29–30 и др.

[103] *Янин В. Л.* К вопросу... С. 52–61; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. С. 220; *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XVI вв. СПб., 1998. С. 18, 21–23; *Кузьмин А. В.* Гедиминовичи // Русская генеалогия: Энциклопедия / Под ред. Б. А. Николаева; Науч. ред. М. Е. Бычкова. М., 1999. С. 141 и др.

[104] Стоит напомнить, что Бархатная книга генетически связана с более ранним источником – Государевым родословцем. Этот рукописный памятник, как доказал Н. П. Лихачев, составлен около 1555 г. (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 352–353. Прим. 1, 414–415; *Он же.* Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900; *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Т. XII. Л., 1981. С. 90–109 и др.

[105] *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. Т. I. СПб., 1886. С. 369. Табл. № 27.

[106] Э[кземплярский] А. [В.] Боброковъ – Волынскій // Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. Т. IV: Битбургъ–Босха. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1891. С. 135; См. также: Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца и др. Т. IV: Б – Бомба. СПб., 1911. С. 578.

[107] *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь: Пер. с англ. Тверь; М., 1997. С. 287; *Кучкин В. А.* Боброк – Волынский. С. 249. В более поздней статье В. А. Кучкин также называет Д. М. Боброка «Гедиминовичем», но не поясняет сте-

пень его родства с великими князьями литовскими (*Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. Ч. II. С. 10).

[108] *Кузьмин А. В.* К истории московского боярства конца XIV – начала XVI века: самосознание и «память» // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. / Отв. ред. О. М. Медушевская. М., 1998. С. 141.

[109] *Кузьмин А. В.* Гедиминовичи // Русская генеалогия. С. 141.

[110] РИИР. Вып. 2. С. 92. Л. 22–22 об.

[111] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь... С. 149, 150. Прим. 24.

[112] Впрочем, как король Казимир III с галицких, так и князья Корьятовичи с подольских земель продолжали в XIV в. выплачивать ордынское серебро (Там же. С. 146).

[113] *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 25–26; Ср.: *Kaczmarczyk Z.* Polityka zagraniczna Polski do 1370 roku // Historia Polski. T. I do roku 1764. Część I do połowy XV wieku / Pod red. H. Łowmiańskiego. W-wa, 1957. S. 550.

[114] ПСРЛ. Т. XXXV. М., 1980. С. 138. Л. 83.

[115] *Флоря Б. Н.* Литва и Русь... С. 153–154. Прим. 39.

[116] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 106. Л. 312 об.

[117] Там же. Т. XXXV. С. 66. Л. 106. О месте захоронения князя Юрия Корьятовича см. в кн.: *Карамзин Н. М.* История... Т. V. С. 228. Прим. 12.

[118] *Kaczmarczyk Z.* Polityka... S. 550.

[119] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 66. Л. 106; 138. Л. 83.

[120] Этот титул приведен в документе от 17 марта 1375 г. (*Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI века // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 75. Прим. 19).

[121] *Łowmiański H.* Polityka... S. 58.

[122] Ibid. S. 42; *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. W-wa, 1968. S. 14.

[123] *Łowmiański H.* Polityka... S. 42, 44.

[124] Ibid. S. 27–28.

[125] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 106. Л. 105 об.

[126] *Sroka S. A.* Anna // Piastowie: Leksykon biograficzny. Kraków, 1999. S. 251.

[127] Элжбета, жена поморского князя Богуслава V, умерла до 1363 года. Кунегунда, жена Людвига Римского, сына императора Людвига IV (1314–1346) из младшей (баварской) линии династии Виттельсбахов, скончалась 26 апреля 1357 года (Ibid. S. 200. Tabl. IV, 249–251).

[128] Ibid. S. 252. Хенрик Ловмяньский полагает, что приглашение Константина Корьятовича ко двору Казимира III произошло лишь после смерти княжны Иоанны Ольгердовны. Невеста князя Казика, сына поморского правителя Богуслава V и Элжбеты, старшей дочери польского короля от первого брака, умерла 27 апреля 1368 г. (*Łowmiański H.* Polityka...S. 28).

[129] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 66. Л. 105 об. – 106.

[130] *Sroka S. A.* Anna. S. 251.

[131] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 138. Л. 83.

[132] В результате войны 1376–1377 гг. с литовским князем Кейстутом король Венгрии и Польши Людовик I Великий (из анжуйской династии), племянник по матери Казимира III, к концу 1377 г. захватил ряд городов Волыни. Оставшиеся править на территории Волыни и Подолии князья были вынуждены признать себя его вассалами (*Флоря Б. Н.* Литва и Русь... С. 155; *Łowmiański H.* Polityka... S. 58).

[133] *Łowmiański H.* Polityka... S. 42.

[134] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 66. Л. 106.

[135] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 203–204.

[136] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 139. Л. 83.

[137] О деятельности Федора Корьятовича в Венгрии см. в кн.: *Карамзин Н. М.* История... Т. V. С. 228. Прим. 12.

Не повезло и второму союзнику князя Федора Корьятовича. Роман потерял свой престол в Молдавии в 1394 г. (*Греков И. Б.* Восточная Европа... С. 204).

[138] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 65. Л. 284 об. Более поздняя Никоновская летопись поясняет, что великий князь Иван, «*внукъ Даниловъ*», отдал дочь «въ Литву за Кариадова сына, *внука Гедиманова*» (Там же. Т. X. С. 228).

[139] *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. М., 1992. С. 168.

[140] *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. С. V.

[141] *Лурье Я. С.* Летопись Симеоновская // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 56.

[142] *Кучкин В. А.* Боброк – Волынский. С. 249.

[143] В данном перечне некоторые из погибших (например, князья Андрей Друцкий и смоленский наместник князь Ямонт Клецкий) упоминаются дважды. Это свидетельствует в пользу того, что в основе списка князей по Никоновской летописи лежали два независимых источника (ПСРЛ. Т. XI. М., 2001. С. 174).

[144] Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 458–459; Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 229. Л. 321; Т. XXXIV. С. 150. Л. 421–421 об.; Т. XXXV. С. 52. Л. 57–57 об. (под 6906 годом) и др.

[145] *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. С. 287–289.

[146] ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 135. Л. 267. По мнению И. Б. Грекова, князь Андрей Ольгердович вместе с сыновьями находился в Полоцке уже с 1381 г. (*Греков И. Б.* Восточная Европа... С. 184).

[147] *Греков И. Б.* Восточная Европа... С. 180.

[148] *Łowmiański H.* Polityka... S. 60.

[149] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Сост. А. Л. Хорошкевич; Отв. ред. А. А. Зимин. Т. I. М., 1977. № 8. С. 45–48. Об этом договоре князь Андрей подробно сообщает в письме от 11 октября 1385 г. гофмейстеру Тевтонского Ордена в Пруссии Конраду Цольнеру фон Ротенштейну (Там же. № 9. С. 48–50).

[150] А. Л. Хорошкевич отмечает, что в результате данной военной операции полоцкий князь ко 2 февраля 1386 г. захватил район вокруг городов Вильно и Ошмяны (*Хорошкевич А. Л.* Комментарии // Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Сост. А. Л. Хорошкевич; Отв. ред. А. А. Зимин. Т. III. М., 1980. С. 149).

[151] ПСРЛ. Т. XXXV. С. 88. Л. 449 об.; См. также: Там же. С. 99. Л. 66–66 об., 136. Л. 78–78 об., 154. Л. 254 и др.

[152] Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 149–150.

[153] Там же. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 347. Л. 238 об., под 6894 г. (мартовский). В это время в Полоцке находились два сына Андрея – князья Семен и Иван. Поскольку позднее источникам известен только последний из братьев, можно предположить, что во время осады города погиб именно Семен. Это обстоятельство заставляет передатировать грамоту жены Андрея Ольгердовича и ее детей в рижский городской совет с просьбой о пушнине. Документ, по всей вероятности, был составлен не весной 1387 – осенью 1389 г., как предполагает издатель грамоты А. Л. Хорошкевич, а ранее, в октябре – ноябре 1385 г., когда князя не было в городе (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. № 11. С.54).

[154] ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 29. Л. 178; См. также: Там же. С. 106. Л. 39 об.

[155] *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 160; *Łowmiański H.* Polityka... S. 60–61.

[156] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. I. № 10. С. 50–54.

[157] *Wdowiszewski Z.* Genealogia... S. 11.

[158] *Карамзин Н. М.* История. Т. V. С. 286. Прим. 182.

[159] РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 400 об. – 401. Внук Ольгерда, князь Иван Андреевич сложил крестное целование Пскову «за две недели до Троицина дни», т. е. 28 апреля 1399 г. (ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 109. Л. 43 об.).

[160] Там же. Т. III. М., 2000. С. 386–387. Л. 233–233 об.; См. также: Т. IV. Ч. I. С. 374–375. Л. 247. В Софийской I летописи сначала стоит известие о поездке князя Андрея в Новгород, и лишь затем сообщается об осаде Пскова (Ср.: Там же. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 511. Л. 436; Т. XXXIX. М., 1994. С. 133. Л. 233–233 об.). Сводку известий о новгородско-псковских отношениях за последние 10 лет XIV в. см. в кн.: *Белецкий С. В.* Вечевые печати Пскова // Сфрагистика Средневекового Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 1994. С. 76–81. (Благодарю Надежду Александровну Соболеву за указание на данную работу.)

[161] ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 174; Т. XVI. М., 2000. Стб. 145; *Wdowiszewski Z.* Op. cit. S. 11.

[162] Ср.: *Греков И. Б.* Восточная Европа.... С. 177, 180–181, 184; *Хорошкевич А. Л.* Комментарии... С. 140–149, 152–160.

[163] *Wdowiszewski Z.* Genealogia... S. 11–12.

[164] До этого Братоша был бояриVном полоцкого князя Андрея (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. I. № 7. С. 44). Его сюзерен в марте 1387 г. оказался пленен, а затем посажен в тюрьму. Можно предполагать, что Братоша после этого перешел на службу к брату Андрея – Дмитрию. Если наше предположение верно, то возвращение в ВКЛ бывшего трубчевского князя не намного отстоит от времени составления документа, подписанного в Молодечно. Подробнее о Братоше см.: *Хорошкевич А. Л.* Комментарии. С. 150.

[165] Zbiór dyplomatów rządowych i aktów prywatnych, posługujących do rozjaśnienia dziejów Litwy i złączonych z nią krajów (od 1387 do 1710 r.) / Wydany przez kommissją archeologiczną Wilenską pod red. Sekr. nauk. M. Krupowicza. Cz. I. Wilno, 1858. № IV. S. 6.

[166] *Wdowiszewski Z.* Genealogia... S. 12.

[167] *Греков И. Б.* Восточная Европа... С. 183.

[168] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 386. Л. 255–255 об.; Т. XV. Вып. 1. Стб. 458–459; Т. XVI. Стб. 145; Т. XXV. С. 229. Л. 321.

[169] *Кузьмин А. В.* Гедиминовичи. С. 141.

[170] Боброкъ – Волынскій // Русский биографический словарь. Т. IV: Бетанкуръ – Бякстеръ / Издан под наблюд. А. А. Половцова. СПб., 1908. С. 125–126.

[171] *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 539–540.

[172] АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 308. С. 338. Прим. 1–1.

[173] Там же. С. 337.

[174] *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 109–118.

[175] *Власьев Г. А.* Род Волынских. С. 2.

[176] Там же. С. 2–3.

[177] *Соловьев С. М.* Сочинения в 18 кн. Кн. II: История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 264, 268, 272, 277, 299, 378, 379.

[178] ДДГ. № 6. С. 22. Основание для такой датировки см. в ст.: *Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. Ч. I. С. 11–39; Ч. II. С. 1–14.

[179] *Янин В. Л.* К вопросу... С. 56.

[180] Kodex dyplomatyczny Litwy. Wydany z rękopismów w Archiwum Tajnem w Królewcu zachowanych, przez E. Raczyńskiego. Wrocław, 1845. Caput III. № I. S. 55.

[181] ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 379. Л. 250 об.

[182] Там же. Т. XXV. С. 228. Л. 319 об.

[183] *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. II: Рада Великого княжества Литовского. Вып. I. Томск, 1904. С. 33.

[184] ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 459; *Карамзин Н. М.* История. Т. V. С. 96.

[185] *Кузьмин А. В.* Начало рода Всеволожских. С. 3–7; *Он же.* К истории московского боярства конца XIV – начала XVI века. С. 141–142.

[186] Одним из первых на этот важный факт обратил внимание еще Н. М. Карамзин. Он указал, что погибшие в 1399 г. князья Михаил и Дмитрий Даниловичи Волынские – прямые потомки Даниила Романовича Галицкого (*Карамзин Н. М.* История. Т. V. С. 96).

[187] ПСРЛ. Т. XXXII. М., 1975. С. 210. Л. 439. Не учитывая этой ранней росписи Острожских, украинская исследовательница Н. Н. Яковенко ошибочно выводит княжеский род Острожских от литовского князя Нариманта Гедиминовича – *Яковенко Н. Н.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и центральной Украины конца XIV – середины XVII в.: Князья в свете закона и традиций // Историческая генеалогия. Вып.1. Екатеринбург, 1993. С. 46. Схема I (1).

[188] ПСРЛ. Т. II. Спб., 1843. С. 349–350.

[189] *Joannus Dlugossi.* Annales seu cronicae inliti regni Poloniae. Liber nonus (T. 9). Varsaviae, 1978. S. 233–234. Польские комментаторы источника ошибочно считают, что «Daniel de Ostrow» был «*bajrus paene nobis ignotus*» (Ibid. S. 422. Komm. 4). Подробнее о событиях 1344 г. см.: *Bardach J., Labuda G.* Utwierdzenie Królestwa Polskiego // Historia Polski. T. I. Cz. I. S. 451–452.

[190] Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie ... pod kierownictwom Z. L. Radzimińskiego. T. I: 1366–1506. Lwów, 1887. № I. S. 1.

[191] Ibid. № II. S. 2.

[192] Ibid. № V. S. 5–6; № VI. S. 6–7.

[193] Ibid. № VIII. S. 8. Этот важный документ опровергает недавно высказанное мнение Л. В. Столяровой, согласно которому, кроме выходной записи писца попа церкви святой Екатерины Ивана на Флорентийской псалтири 1384 г., о сыновьях Любарта Ольгердовича сохранилось лишь «глухое летописное известие» (*Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 351). О датировке грамоты см. в издании источников: Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Wydali St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 15. S. 12.

[194] Archiwum książąt Lubartowiczów. № VII. S. 7–8.

[195] Ibid. № XI. S. 11.

[196] Это подтверждает акт, выданный королевой Ядвигой в 1396 году (*Krzyżaniakowa J.* Jadwiga – królowa Polski, 1384–1399 // Lithuania. W-wa, 1994. № 2–3. S. 15).

[197] ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 145; См. также: Т. XXXIV. М., 1978. С. 150. Л. 421–421 об. и др.

[198] Там же. Т. XI. С. 174; Т. XV. Вып. 1. Стб. 458–459.

[199] Там же. С. 177. Л. 236 об. – 237 об. (сентябрьский стиль); Ср.: Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 58–59. Л. 279–280 об.

[200] *Wolff J.* Rod Gedimina. Kraków, 1886. S. 13–14, 20.

[201] *Грушевскiй А.* [*С.*] Пинское Полесье XIV–XVI вв.: Исторические очерки: Туров, Городок и Пинск в составе Великого Княжества Литовского: Пинское староство королевы Боны: XIV–XVI вв. Киев, 1903. С. 10. Прим. 4; *Puzyna J.* Narymunt Gedyminowicz // Miesięcznik heraldiczny. W-wa, 1930. № 3. S. 37–38.

[202] Более ранний, чем Московский летописный свод, Рогожский летописец 40-х гг. XV в. «братом» Ольгерда называет только Корьяда (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 58. Л. 279 об., 59. Л. 280).

[203] *Грушевскiй А.* [*С.*] Пинское Полесье... С. 3–6; *Łowmiański H.* Polityka. S. 363.

[204] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 81.

[205] См. подробнее: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 98–99. Л. 307 об. – 308; Т. XXV. С. 187. Л. 253–253 об.; В. А. Кучкин охарактеризовал данный конфликт как «кратковременный» (*Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 70).

[206] ДДГ. № 6. С. 22; *Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года. Ч. II. С. 9.

[207] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 116–117. Л. 319–319 об.; Т. XXV. С. 192. Л. 261 об. – 262. А. Н. Робинсон полагал, что уже в походе 1376 г. Д. М. Боброк имел думный чин (*Робинсон А. Н.* Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1980. С. 11). Такой вывод можно уточнить. Уже в 1372 г. на переговорах с послами великих князей Ольгерда, Кейстута и Святослава Дмитрий Михайлович фигурирует в качестве боярина князя Дмитрия Ивановича Московского (ДДГ. № 6. С. 22).

[208] ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 157.

[209] Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 138. Л. 333.

[210] Там же. Л. 333–333 об.; Т. XXV. С. 200–201. Л. 275 об. – 276. Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Литва и Русь... С. 159–166; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 75.

[211] Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. Б. А. Рыбаков; Ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 168. Л. 385.

[212] Там же. С. 180. Л. 404 об. Р. Г. Скрынников отмечает брак Д. М. Боброка с Анной Ивановной только после 1379 г. (*Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. С. 66). Такая поздняя датировка мне представляется неубедительной.

[213] Памятники Куликовского цикла. С. 181. Л. 406.

[214] *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 387–388; *Бескровный Л. Г.* Куликовская битва. С. 241–243; *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва. С. 66–67; *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской. С. 76 и др.

[215] *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 120.

[216] *Альтшуллер Б. Л.* Бесстолпные храмы в Коломне // Сов. археология. 1977. №. 4. С. 157–161.

[217] Писцовые книги Московского государства: Писцовые книги XVI века / Изд. под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. I. Отд. I. С. 310.

[218] Подробнее см.: Там же. С. 323–325.

[219] Там же. С. 392.

[220] *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 231.

[221] АСЭИ. Т. III. № 48а. С. 72; Акты Русского государства 1505–1525 годов / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. № 199. С. 203; № 202. С. 205; ПКМГ. Т. I. Отд. I. С. 353, 427–428; *Власьев Г. А.* Род Волынских. С. 15. № 79.

[222] ДДГ. № 104. С. 434.

[223] Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. II. Вып. 1: Акты 1627–1649 годов / Собрал и ред. С. Б. Веселовский. М., 1917. № 11. С. 34.

[224] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение... С. 65–66, 88–89, 106. Прим. 212.

[225] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 179. Л. 133 об.; С. 205. Л. 153 об. – 154; *Власьев Г. А.* Род Волынских. С. 14. № 74; С. 15. № 79–80; С. 19. № 98.

[226] ДДГ. № 12. С. 33–37.

[227] *Янин В. Л.* К вопросу... С. 52–61.

[228] *Горский А. Д.* Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. С. 36; *Дмитриев Л. А.* Житие Михаила Клопского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А–К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 302.

[229] *Конев С. В.* Синодикология. Ч. II. С. 102. Л. 51.

[230] «***Князю Глебу Друцкому***, *и Борису Михайловичу, и всей дружине ихъ, избиеннымъ на брани на Лыскове, вечная память*» (ДРВ. Ч. VI. С. 452).

[231] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 485–486.

[232] РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 78; *Власьев Г. А.* Род Волынских. С. 8. № 2–3. Данное сообщение источников С. Б. Веселовский оставил без внимания. Он полагал, что Борис и Давыд боярами не были (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 286). Однако в последнее верится с трудом, если учитывать указание родословцев и то положение, какое должна была занимать семья Волынских, родственников великокняжеской семьи, в боярской среде XV века.

[233] Цит. по ст.: *Янин В. Л.* К вопросу... С. 56–57.

[234] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 181.

[235] ДРВ. Ч. VI. С. 451.

[236] ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 472.

[237] Там же. Т. XXV. С. 237. Л. 331; Т. VIII. С. 81.

[238] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV века о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX веков / Ред. кол.: Я. Н. Щапов, С. М. Фалькович, Н. И. Щавелева. М., 1998. С. 46.

[239] С. Б. Веселовский, не зная данного сообщения Тверской летописи, ошибочно приурочил смерть И. К. и С. И. Липятиных к одному событию – битве в Суходреве и одному году – 1370 (*Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 181).

[240] Любопытно также отметить, что в Подмосковье не позднее 4 августа 1423 г. уже был известен схожий по словообразованию топоним – приток р. Вори речка «*Лепетня*» – АСЭИ. Т. I. № 40. С. 47 (Подлинник).

[241] РИИР. Вып. 2. С. 40. Л. 604.

[242] РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 150; БК. Ч. II. Гл. 34. С. 207.

[243] РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 846 об.; № 67/90. Л. 79; № 173/278. Л. 150; РИИР. Вып. 2. С. 40. Л. 604; Родословная книга по трем спискам. С. 251.

[244] РИИР. Вып. 2. С. 165. Л. 152; РГАДА. Ф. 181. № 174/280. Л. 96.

[245] РИИР. Вып. 2. С. 165. Л. 152.

[246] ДДГ. № 57. С. 176.

[247] ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 353.

[248] Там же. С. 427–428.

[249] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 181.

[250] ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 63; Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 109. Л. 321 об. – 322 об. и др.

[251] Согласно сведениям летописца, в числе погибших были князь А. В. Лугвица Суздальский, Карачаров, «да иныхъ 4 человеки». Кроме того, литовцы «Яропку, да Семена Ржевскаго поимали, то княжихъ Иоанновых, а княжихъ Михайловыхъ поимали Судока, да Филиппа Нащекина, да Конинского, да 5 человекъ молодыхъ» (РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 472 об. – 473).

[252] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 181.

[253] АСЭИ. Т. I. № 266. С. 193 (Подлинник), № 525. С. 403, № 587. С. 473.

[254] Там же. № 255–256. С. 184–185 (Списки середины XVI в.).

[255] Там же. № 193. С. 139.

[256] Там же. №№ 271. С. 195–196 (Подлинник), 343–344. С. 251 (Списки середины XVI в.).

[257] Там же. №№ 349. С. 256 (Подлинник), 253. С. 183 (Список середины XVI в.), 503–509. С. 382–387, 512. С. 388, 515–516. С. 389–391 (Подлинники), 517. С. 391–392 (Список 2-й пол. XVI в.), 518 (список 1641 г.), 519–520. С. 393–395 (Подлинники), 529–531. С. 406–409 (Подлинники),

534. С. 410–411 (Подлинник), 535. С. 411 (Список середины XVI в.); *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. №№ 14. С. 367, 31. С. 397, 34–35. С. 401–402 (Списки начала 30-х гг. XVI в.), 59. С. 429 (список первой половины XVI в.) и др.

В списке игуменов отмечается: «*13. Макарий – 5 лет*» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 15. Л. 13).

[258] В грамоте фигурирует «*Федоръ Федоров сынъ Липетин*» — Там же. Т. I. № 528. С. 406 (Подлинник).

[259] Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. I. Гл. 17. С. 209. Л. 335; Приложение II // ДДГ. Гл. 19. С. 479. Л. 335.

[260] *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. № 10. С. 50, 51. Грамота опубликована по списку 1738 г. Здесь Ф. Ф. Липятин упоминается, как и в документе, составленном после 30.04.1486 г., как «*Федор Липетин*».

[261] Подробнее см. в кн.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 119–125, 136, 147, 148, 223–224, 237, 280, 283, 287. (Благодарю Маргариту Евгеньевну Бычкову за указание на данную работу.)

[262] ДДГ. № 89. С. 354.

[263] *Алексеев Ю. Г.* У кормила... С. 287.

[264] ДДГ. № 89. С. 354.

[265] Там же. № 95. С. 378–379.

[266] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века. Т. II / Отв. ред. Л. В. Черепнин; Том сост. И. А. Голубцовым. М., 1958. № 306. С. 261–262 (Подлинник).

[267] Там же. № 308. С. 265. Грамота опубликована по списку начала XVI в. В ней Федор Федорович назван «*Липотиным*». И. А. Голубцов осторожно датировал документ 1503 – началом 1504 гг. (Там же. С. 266). Обычно писцы проводили описание и суд постепенно, последовательно объезжая весь уезд по станам и волостям. Учитывая это, а также то обстоятельство, что в документе упоминается крестьянин Полуян Никифоров сын, уже отмеченный в акте № 306, следует датировать данную разъезжую грамоту все тем же 1503 г.

[268] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. Т. I. № 9. Стб. 17–19; АСЭИ. Т. II. № 307. С. 263–265 (Подлинник). О датировке грамоты см. в кн.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967. С. 202.

[269] Документ находился в архиве Спасо-Прилуцкого монастыря и упоминался в переписной книге монастырской казны 1701 г. (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 84. С. 484).

[270] Приводя аргументы для датировки источника и ссылки на документы, в которых упоминался Ф. Ф. Липятин, оба исследователя упорно умалчивают о тех же самых аргументах и выводах, сделанных ранее П. Н. Милюковым, С. Б. Веселовским, И. А. Голубцовым и С. М. Каштановым — *Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. № 30. С. 39 (Подлинник). Ю. Г. Алексеев относит описание Ф. Ф. Липятиным Вологодского уезда к 1502/03 г., а его суд «с товарищи» — 1503 г. (*Алексеев Ю. Г.* У кормила... С. 149, 260, 282, 287).

[271] Подробнее о нем: *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 33–34; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. С. 282 и др.

[272] *Ткаченко В. А.* Московские великие и удельные князья и цари. МП «Поиск», 1992. С. 84.

[273] *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение... С. 81.

[274] См. подлинник: РГБ. Ф. 28. № 98; *Коп.*: РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. Коломна. № 57/6367. Л. 51–52 об. — *Антонов А. В.* Вотчинные архивы московских монастырей и соборов XIV — начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 2: Архивные материалы по истории Москвы. М., 1997. С. 98 (№143).

[275] АРГ 1505–1526 гг. № 199. С.203, № 202. С. 205.

[276] Исследователь неуверенно упоминает адресата грамоты — *Антонов А. В.* Вотчинные архивы... С. 95 (№ 116). Однако обращение к писцовым материалам снимает все вопросы (ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 353).

[277] Ее полный текст, к сожалению, не выявлен. Грамота известна по ее упоминанию в данной Чудову монастырю вдовы В. И. Волынского — Аграфены — *Антонов А. В.* Вотчинные архивы... С. 96 (№ 123).

[278] См. подлинник: РГАДА. Ф. 281. Коломна. № 6/6316 — Там же. С. 96 (№ 124).

[279] Более обоснованный вывод будет сделан после просмотра в РГАДА данной грамоты А. Г. Волынской (Липятиной) 1540/41 г. на село Липятино с деревнями в Чудов монастырь.

[280] См. подлинник: РГБ. Ф. 28. № 107 — Там же. С. 101 (№ 165).

[281] ПСРЛ. Т. XXV. С. 264–265. Л. 369–370.

[282] ДДГ. № 57. С. 176.

[283] ПСРЛ. Т. XXV. С. 266. Л. 371 об.; См. также: Там же. Т. VIII. С. 117.

[284] *Николаева С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII века: состав монашеской братии и вкладчиков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 14.

[285] Рыночная сумма этого вклада — 200 рублей (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 88. Л. 312).

Приложение № 1 (а)

Се[1] род Смоленских князеи.

У[2] великого князя Володимера Манамаха большои сын Мстислав Смоленьскои, а после отца своего Володимера Манамаха был на великом княжении на Кеевском[3]. А у Мстислава третеи сын Ростислав Смоленьскои, а на великом княжении на Кеевьском был же, и преставись на Кееве.

А у великого князя Ростислава 3 сын[ы]: Роман, Рюрик, Давыд. А на великом княжении на кеевском Роман Ростисловичь был же. А посадил его на великом княжение князь великии Оньдреи Боголюбскои. И седел на Кееве 2 года, и выде ис Киева своею волею. И по нем сяде на Кееве Ярослав Изяславичь, внук Мстислава Володимеровича Манамаша.

А Рюрик Ростиславичь на великом княжении на Кеевьском был же; да посадил его на великое княжение на Кеевьском сват его князь великии Всеволод Юрьевичь // Долъгоруково того для, сын Рюриков — Ростислав — был зять великому князю Дмитрею Всеволоду. И приде на Рюрика Роман Мстиславичь, внук Ярослава Володимеровича Галицкого, и согна Рюрика ис Кеева, княжил 16 лет. А на Кееве посади Роман Ингваря Ярославича, внука Изяслава Мстиславича. И того ж лета приде х Кееву Рюрик Ярославичь Ольговича и с Половцы, и Кеев весь розграбили и святые церкъви. Такова пагуба над Кеевом не бывала. Седе на Кееве опять Рюрик и помирись с Романом з Галицким. И ходи князь великии Рюрик, а с ним Роман Галицкои на Половцы, и повоеваша. И пришед в Кеев Роман Галицкии, поима великого князя Рюрика и постриже в чернцы. А детеи его — Ростислава, зятя Всеволода, а другаго сына его Володимера изыма и сведе с собою в Галичь. И князь великии Всеволод у Романа у Галицкого зятя своего // Ростислава и брата своего Володимера Рюриковичев взя, и посади на Кееве зятя своего Ростислава. И того ж лета Романа Галицкого убили в Ляцкои земли. И слыша чернец смерть Романову и рострижесь, и сяде опять на Кееве, а сына своего Ростислава посади Володимери. И выгнаша Рюрика ис Кеева князи Черниговьские и Галицкие, а княжил 3 лета, и даша Кеев Мстиславу Романовичю, внуку Мстислава Ярославича Галицкого. И убиша великого князя Мстислава Ярославича на Калках, а княжил 11 лет.

А по нем сяде на Кееве Володимер Рюриковичь, чернцов, внук Ростислава Мстиславича Манамаша Смоленьского. И приде х Кееву Изяслав Мстиславичь с Половцы, а князь Михаило Всеволодовичь с черниговцы, и Кеев взяша. А великого князя Володимера Рюриковича емше и ведоша его Половцы в свою землю, княжил 12 лет. И оттоле // Половцы взяша на нем окуп и преставися Володимер в Смоленьску. И остася у него сын князь

---

[1] Буква «С» в рукописи выделена киноварью.

[2] Выделена киноварью.

[3] Так в ркп.

Ондреи Долъгая Рука. И князи меж собя доконъчав, и даша Вязму князю Ондрею Долъгои Руке Володимеровичю, внуку Рюрикову Ярославича Смоленьского. А от того Андрея пошли Вяземские князи.

Как збежал князь великии Михаило Черниговскии с Кеева от Ботыя в Угры, и по нем сяде на Кееве Ростисълав Мстиславичь, внук Романа Ростиславича Смоленьского. И приде на него х Кееву Данило Романовичь, Мстислава Галицкого, брат роднои великого князя Мстислава Романовича, которого на Калъках убили, и Кеев взя, а Ростислава изыма и сведе его с собою в Югорскую землю, тамо и скончася.

А у третьего сына Ростислава Мстиславича Смоленьского у Давыда сын Мстислав. А у Мстислава сын Ростислав. А у Ростислава // два сына: князь Глеб Смоленьскои, князь Федор Ярославъскои. А у князя у Глеба у Смоленьского сын князь Олександр. А у князя Александра дети: князь Иван Большои да князь Дмитреи, да князь Иван Меншои. А у князя Ивана у Большово сын князь великии Святослав Смоленьскои, а другои сын князь Василеи.

А у великого князя Святослава 6 сынов: болшои Глеб, а другои Юрьи, а третеи Александр, а четвертои Иван, 5-й Федор и 6-й светои[4] Василеи.

А у князя у Глеба сын князь Дмитреи. А у Дмитрея сын князь Иван. А у князя Ивана сын князь Михаила. А у князя Михаила детеи:

А у князя Юрья у Святославича сын князь Федор, а взяли сь сли[5] его ноугородце на княжение.

А у третьево сына у князя Александра Святославича сын один князь Михаило Зьяло. А у кн[я]зя Михаила дети: князь Данило да князь Иван, да князь Ондреи.

А у четвертого сына у князя Ивана // Святославича были две дочери: одна была за князем Юрьем Дмитреевичем, за Шемякиным отцем, а другая за Вшитригаилом[6].

А у пятого сына у князя Федора у С[вя]тославича была одна дочь за великим князем Семеном Ивановичем — великая княгина Еупраксея.

А у шестово сына у князя Василья у Святославича сын князь Дмитреи Кропотка. А у князя Дмитрея 2 сына: князь Олександр да князь Иван Кропоткины, поместья за ним в Можаиске.

А у князя Василья у Ивановича сын князь великии Иван Смоленьскои. А согнал его с Смоленьска король Ольгерд. И он приехал из Смоленьска, служил великому князю Дмитрею Ивановичю Донъскому.

(См.: *РГАДА. Ф.181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 67/90. Родословная книга великих князей и царей московских, царей астраханских, крымских, казанских... Л. 36–38 об.*

---

[4] Так в ркп., должно быть «святой».

[5] Так в ркп., возможно, должно быть «было».

[6] Так в крп., должно бцыть «Швитригайлом».

Описание рукописи: *Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 113–114.*)

Приложение № 1 (б)

Глава 10
Род Смоленских князей [1]

У великого князя Володимера Мономаха большои сын Мстислав Смоленскии, а в Смоленьске на великом княжение был и на Киевьском; на Киеве и преставися. А у Мстислава Володимеровича дети: Всеволод, а во крещении Гаврил, не стало ево во Пскове, и положен во Пскове у Троицы, а на великом княжении на Киевьском был же, да Изеслав, да Ростислав Смоленскои, а на Киеве были ж, да С[вя]тополк, да Володимер, оба бездетны, да Роман, а на великом княжение Киевьском был.

А Изеслава Мстиславича Смоленского дети: Ярослав да Мстислав.

А у Ростислава Мстиславича дети Смоленского: С[вя]тослав да Рюрик, да Роман, да Довыд [2], да Мстислав.

А у Романа Мстиславича Смоленского сын Мстислав, а был на великом княжение на Киевьском, убит на Колках [3].

А у Ярослава Изеславича, у внука Мстислова [4] Смоленского, сын Игорь.

А у Рюрика Ростиславича, у внука Мстиславова Смоленского, дети: Ростислав да Володимер.

А Довыдовы [5] дети Ростиславича, у внука ж Мстислова [6] Смоленского: Констяньтин да Мстислав. А у Мстислава Давыдовича у внука Ростислава Мстисловича [7] Смоленского сын Ростислав. А Ростиславли детиМстисловича [8] Смоленского, Давыдова внука: княз Федор, Чюдотворец, сидел на Ярославле, а прозвища ему Чернои, да Глеб, сидел на Смоленске, да Михайло. А у Глеба Смоленского у князь Федорова брата Черного Ростиславича сын Олександро. А Олександров сын Глебовича Иван. А Ивановы дети Олександровича: С[вя]тослав да Василей. А Васильев сын Ивановича – Иван. А у С[вя]тослава Ивановича, внука Олександрова Глебовича, было 6 сынов:

1-й Глеб, а у Глеба сын Олександр Всеволод, от того Олександра пошли Всеволожа Заболоцкие; да от того ж Глеба пошли Жижемские князи.

---

[1] Выделено киноварью.
[2] Так в ркп.
[3] Так в ркп.
[4] Так в ркп.
[5] Так в ркп.
[6] Так в ркп.
[7] Так в ркп.
[8] Так в ркп.

2-й у С[вя]тослава сын князь великии Юрье С[вя]тославичь Смоленскои. Под Юрьем С[вя]тославичем Витофт и Смоленеск взял. У великого князя // Юрья сын Федор, тот с ним на Москву приехал к великому князю Василью Дмитреевичю. И по Юрья Смоленского великия князи извелися.

3-й у С[вя]тослава сын Олександро, от того пошли Дашковы.

4-й у С[вя]тослава сын Иван, от того пошли Порховские.

5-й княз Федор С[вя]тославичь, а сынов у нево не было. А была у нево одна дочь за великим князем Семионом Ивановичем, великая княиня Юпраксея[9] Федоровна. И князь великий Семион ту свою великую княиню Юпраксею дал за болшова за князь Федора Костянтиновича за Фоминского. А сам князь великии Семион женился во Твери у великого князя Олександра Михаиловича Тверскаго. А понял дщерь ево Марью, то ему третья жена. А ездили по нею бояре, а Ондрей Кобыла да Олексей Босоволк.

6-й у С[вя]тослава сын Василеи, от того пошли Кропоткины князи.

А у первого С[вя]тославля сына у князя Глеба С[вя]тославича сын князь Дмитреи. А у князя Дмитрея дети: князь Иван Мал да князь Иван Шах. И у князя Ивана Шаха пошли Соломерские князи, а служат в Литве. А у князя Ивана Молгича сын князь Михаило Жижемской, а был у короля Олександра в раде конюшеи. А у князя Михаила Жижемскова дети: князь Дмитреи да князь Василеи Жижемские приехали к великому князю Васил[ь]ю Ивановичю всеа Русии со князем Михайлом Лвовичем Глинским. А у князя Дмитрея Жижемскова сын Олександро, убили ево горные люди из Свияжскова города посылкою, бездетен. А у князя Василья Жижемскова сын Михайло. //

А у третьева С[вя]тославля сына Смоленского сын князь Олександр. А у князя Олександра сын князь Михайло Зьяло. А у князя Михаила Зьяла дети: Костянтин, бездетен, да Дмитреи Дашка, да Роман, да Михайло, бездетен, да Иван Василевской. А у князя Дмитрея Дашкова дети: Ондрей, да Семен, да Иван. А у князя Романа сын был Федор, бездетен. А у князя Ивана Дмитреевича дети: князь Ондреи. А у князя Ондрея дети: князь Иван да князь Петр, убит под Колугою. А у князя Ивана Дашкова сын князь Иван.

(См.: *РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 173/278. Родословная книга 1664 г. князя А. И. Лобанова-Ростовского. Л. 44 об. – 46.*

Описание рукописи: *Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 60–63.*)

---

[9] Так в ркп., должно быть: «Еупраксея».

Приложение № 1 (в)

Глава 8[1]

Род князеи смоленских.

От великого княжения Смоленьского.

Князи Смоленьские, князи Ярославьские, князи Морткины, князи Вяземские.

Оу великого князя Владимера Манамаха большои сын Мстислав Смоленьскои. А после отца своего Владимера Манамаха был на великом княжении на Киевьском.

А у Мстислава третеи сын Ростислав Смоленьскои. А на великом княженье на Киевьском был же. И преставилъся на Киеве.

А у великого князя Ростислава сыны: Роман, Рюрик, Давыд. А на великом // княжении на Киевьском Роман был же. А посадил его на великом княжении князь великии Онъдреи Боголюбскии. И сидел на Киеве 2 года и выиде ис Киева своею волею.

И по нем сиде на Киеве Ярослав Изяславичь, внук Мстислава Володимеровича Манамаша.

А Рюрик Ростиславичь на великом княжении на Киевьском был же. А посадил его на великое княженье князь великии Володимерской Дмитреи-Всеволод Юрьевичь Долъгорукои того для, что сын Рюриков Ростислав — зять был великому князю Дмитрею Все // володу. И приде на Рюрика Роман Мстиславичь, внук Ярослава Володимеровича Галицкаго. И согна Рюрика с Киева. А княжыл Рюрик 6 лет. А на Киеве посадия Роман Инъгваря Ростиславича, внука Изяслава Мстиславича.

И того ж лета прииде на Инъгваря Ростиславича опять Рюрик Ростиславичь со Ольговичи и с Половъцы. И Киев весь, и святыя церкви разграбиша. Таковая пагуба над Киевым не бывала. И сяде на Киеве опят Рюрик и помирися с Романом с Галицким. И ходиша князь великии Рюрик и Роман Галицкои на Половцы. И повоева // ша и пришед в Киев. Роман Галицкои поима великого князя Рюрика и постриже в чернцы, а дети его — Ростислава, зятя великого князя Дмитрея-Всеволода и другаго сына Рюрикова Володимера поима и сведе в Галич.

И князь великии Дмитреи-Всеволод у Романа у Галицкого зятя своего Ростислава и бра[та] его Володимера Рюриковича взя. И посади на Киеве зятя своего Ростислава.

И слышав чернець Рюрик смерть Романову, и рострижеся, и сяде опять на Киеве, а сына своего Ростислава посла в Володимер. И выгнаша Рюрика из Киева князи Черниговъские, и Галицкие, а княжыл 3 лета.

И даша Киев Мстиславу Романовичю, въвнуку Мстислава Ярославича Галицького. И убиша великого князя Мстислава Романовича на Калках, княжыл 11 лет.

[1] Выделено киноварью.

И по нем сяде на Киеве Володимер Рюриковичь, черньцов, внук Мстислава Мъстиславича, Манамаша Смоленьского. И приде х Киеву Изяслав Мсти // славичь с Половцы, а князь Михаило Всеволодовичь с Черниговьцы, и взяша Киев. А великого князя Володимера Рюриковича емше Половъцы, и ведоша в свою землю, а княжыл 12 лет.

И оттоле Половъцы взяша на нем окуп и преставись Володимер в Смоленьске. А остался у него сын князь Оньдреи Дольгая Рука.

И князи меж собою доконъчав, и даша князю Оньдрею Вязму Дольгой Руке Володимеровичю, внуку Рюрика Ростиславича Смоленьского. От того князя Оньдрея // Долгие Руки пошли Вязимские[2].

И как збежал князь великии Михаило Черниговьскии с Киева от Батыя во Угры, **и** по нем сяде на Киеве Ростислав Мстиславичь, внук Романов Ростиславича Смоленьского.

И прииде х Киеву Данило Романовичь, Мстислава Галицкого, брат роднои великому князю Мстиславу Романовичю, которого убили на Калках, и Киев взя, и Ростислава изыма. И сведе его с собою в Вугорскую землю, тамо ж скончася. //

А у третьево сына Ростислава Мстиславича Смоленьского у Давыда сын Мстислав.

А у Мстислава сын Ростислав.

А у Ростислава 3 сыны: князь Глеб Смоленьскои да Михаило, да князь Федор Ярославьскои.

И от того пошли Ярославьские Князи.

Ищы Главы.

А у князя Глеба Смоленьского сын Алексанъдр.

А у князя Алексанъдра дети: князь Иван Большои, да князь Дмитреи, да князь Иван Меньшои. //

А у князя Ивана Большово сын князь великий Святослав Смоленьскои, а другои сын Василеи.

А у великого князя Святослава Смоленьского 6 сынов: Глеб, Юрьи, Алексанъдр, Иван, Федор, Василеи.

А у князя Глеба сын князь Дмитреи.

А у князя Дмитрея сын князь Иван да х[3] князь Иван же Шах.

И от Шаха повелися Соломерские князи, служат в Литве.

А у князя Ивана Большово сын князь Михаило Жижемскои. //

А у князя Михаила дети: князь Дмитреи, князь Данило, в Литве, князь Василеи да Тимофеи, да Богъдан, оба в Литве.

А у князя Дмитрея сын Алексанъдр.

А у князя Василья сын князь Михаило.

---

[2] Так в ркп., должно быть: «Вяземские».

[3] Очевидно, буквы «Х» в протографе не было. В результате прочтения можно подумать, что Иван носил прозвище «Дах», но это неверно.

А у князя Юрья Святославича: сын князь Федор, взяли было его Новогородцы на княженье, другои князь Костянтин Фоминскои.

И от того Фоминъские князи.

Ищы Главы.

А у князя Федора дети: Борис да // Остафеи Яропкины. **От Бориса пошли Полевы, от Остафья — Еропкины.**

А у третьево сына у князя Олексаньдра Святославича сын един — князь Михаило Зьяло.

А у князя Михаила дети: князь Данило, князь Иван, князь Оньдреи.

А у четвертого сына у князя Ивана Святославича были две дочери: одна была за князем Юрьем Дмитреевичем за Шемякиным отцем, а другая за Швитригалом.

А у пятого сына у князя Федора Святосла // вича была одна дочь. А была за великим князем Семионом Ивановичем Московским великая княгини Евпраксея.

И князь великии Семион Ивановичь Гордои ту свою великую княгиню Евпраксею дал за князя Федора Костянътиновича Фоминского Большово за Красново.

А у шестого сына у князя Василья Святославича сын князь Дмитреи Кропотка.

А оу князя Дмитрея у Кропотки 2 сына — Александр да князь Иван Кропоткины, а поместье за ними в Можаиске. //

А у князя Василья у Ивановича: князь великии Иван Смоленьскои.

А согнал его [с] Смоленьска король Ольгерд Литовьскои.

И приехал [с] Смоленьска служыти на Мосъкву великому князю Дмитрею Ивановичю Доньскому.

(См.: *РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 184/292. Родословная книга великих и удельных князей, княжеских и боярских, и дворянских родов. Л. 56–61.*

Описание рукописи: *Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб.,1888. С. 334; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. X; Буганов В. И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV – начала XVII века // Проблемы источниковедения. Т. VI. М., 1958. С. 195–196; Он же. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII века. М., 1962. С. 72.*

Упоминание росписи и описание рукописи: *Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 93, 95, 97–98.*)

Приложение № 2 (а)

Род Волынских [1]
в лето 6888-го

ПРИИДЕ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРЕЮ ИВАНОВИЧЮ ДОНСКОМУ ИЗ ВОЛЫНСКИЕ ЗЕМЛИ КНЯЗЬ ДМИТРЕЙ МИХАЙЛОВИЧЬ ВОЛЫНСКОЙ БОБРОК. И КНЯЗЬ ВЕЛИКИИ ДАЛ ЗА НЕГО СЕСТРУ СВОЮ КНЯЖНУ АННУ.

И у Дмитрея Михаиловича были два сына: **Б**орис, Давыд, а были оба в боярех.

И от Бориса пошли Волынские.

И от Давыда пошли Вороные.

А у Бориса Дмитреевича было 6 сынов: **1-й С**емен, **2-й А**кинф, без[детен], **3-й П**олуехт, **4-й С**еливан, **5-й М**ихаило, **6-й М**ихаило Меньшои.

А ОТ ПЕРВОГО СЫНА БОРИСОВА

от Семена дети: **И**гнатеи да Володимер.

А Игнатьевы дети Семеновича: **Б**улгак, да Сава, да Василеи.

А у Булгака сын **Т**ороп.

А у Савы: **И**ван, да Русин, да Григореи, да Федор.

А у Ивана Савельевича дети: **П**етр, взят в Литву в Полотцке, бездетен, да Петр Меншои, без[детен].

А у Григорья Савельевича дети: **Д**митреи, бездетен, да Иван Большои, да Михаило, без[детен], да Болакша, убит на Молодях, без[детен], да Иван Меншои.

А у Ивана Григорьевича большово дети: **В**асилеи, без[детен], да Иван.

А у Ивана Ивановича сын **М**икита.

А у Ивана Меншово Григорьевича дети: **С**тепан, да Семен // да Павел, в казначеях, да Григореи, без[детен].

А у Степана сын Ортемеи.

А у Семена дети: **М**ихаило, в околничих жа, да Василеи, в боярех, без[детен], да Яков, в околничих.

А у Ортемья Степанова сына один сын **П**етр.

А у Михаила Семеновича один сын **И**ван.

А у Якова Семенова сына дети: **И**ван, да Михаило, да Федор, да Василеи.

***А** у Петра Артемьева сына дети: **И**ван, да Михаило,* [2]*да Алексеи, да Артемеи*[2]. //

А У ДРУГОВО СЕМЕНОВА СЫНА:

Борисовича у Володимера дети: **С**емен, бездетен, да Василеи, да Григореи, да Офонасеи.

---

[1] Так в ркп. Выделено киноварью.

[2-2] Вписано другим более крупным почерком начала XVIII в.

А у Василья Володимеровича дети: 6 сынов: 1-й **Иван**, 2-й **Федор**, 3-й **Степан**, 4-й **Григореи**, 5-й **Микита**, 6-й **Фетько** Меншои.

А у третьево Володимерова сына у Григорья один сын был **Степан**.

А у Степана дети: **Василеи** да Иван.

А у Василья Степановича дети: **Ондреи** да Петр.

А у Ивана Степановича дети: **Иван**, убит в Ярославле, бездетен.

А у четвертаго Борисова сына Дмитреевича у Селивана дети: **Алфереи**, во иноцех Еуфимеи, пострижесь в Осипове монастыре на Волоку и в житии чюдотворца Иосифа написан, бездетен, да Микула.

А у Микулы сын **Василей**.

А у Василья дети: **Гаврило**, да Констянтин, да Микита.

А ДРУГОЙ СЫН БОРИСОВ

Окинф, убит на Белевском бою, бездетен.

А У ТРЕТЬЕВО БОРИСОВА

Сына у Полуехта дети: **Иван** да Микита.

А у Ивана дети: **Дмитреи**, бездетен, да Федор, да Микита, да Василеи.

А у Микиты Ивановича дети: **Федор**, бездетен, да Василеи. //

А у Василья Ивановича сын **Яковец**, прозвище Крюк, а был у царя и великого князя Ивана окольничеи и постелничеи.

А у Якова у Крюка сын **Василеи** Щепа.

А у Василья Яковлевича Щепы дети: **Петр**, да Федор, в окольничих, да Василеи, бездетен, да Иван Птица, бездетен, да Семен.

А у Петра Васильевича Щепина сын **Михаило** да Иван, бездетен.

А у Михаила Петровича дети: **Иван**, в приказе был, да Алексеи, молоди умерли, бездетны.

А у Федора Васильевича сын **Иван**.

А у Василья Микитича дети: **Семен**, а прозвищо Богдан Стрелец, да Дмитреи, да Яков Посол, бездетен.

А у Богдана Стрельца один сын **Перфиреи**, убит от Тушинского Вора на Ельце, бездетен.

А У МИКИТЫ ПОЛУЕХТОВИЧА

дети: **Ондреи**, да Костентин, бездетен, да Федор, да Лев.

А Ондреевы дети Микитича: **Иван** Бобос, да Федор Попадейка, да Олександро, да Микита, бездетен.

А Федоровы дети Микитича: **Федор**, молод умер, да Иван.

А Львов сын Никитича — **Иван** же.

А у Федора Попадьи дети: **Яков** да Ондреи, оба бездетны.

А ПЯТОИ СЫН БОРИСОВ ДМИТ-

реевича Михаило Большои, бездетен.

А У МИХАЙЛА БОРИСОВИЧА

у меншово дети: **И**ван Михаиловичь Волынскои, а был в боярех и дворецкои Новгороцкои, да Игнатеи, без[детен]. //

А у Ивана Михаиловича дети: **И**ван Ус, да Федор, да Василеи, да Дмитреи.

А у Ивана Уса дети: **В**асилеи да Тимофеи, оба бездетны.

А у Федора дети: **Д**анило, да Левонтеи, бездетен, да Федор, да Иван.

А у Василья Иванова сына Михаиловича третьево сына, Усова брата, сын Богдан, бездетен.

А у Дмитрея Волынсково дети: **И**ван да Василеи, оба бездетны. А у Василья одна была дочь Марья за князем Иваном Одоевским Меншим.

А у Данила сын **И**ван Гнуса.

А у Федора Федоровича сын **П**етр Плохои.

А у Петра Плохово сын **Д**митреи.

А у Дмитрея сын **А**лександр.

А у Ивана Федоровича, у Данилова брата, дети: **В**асилеи да Тимошка.

Тот род писан от большово Дмитреева сына Михаиловича от Бориса.

А у Ивана Данилова сына Гнусы дети: **Б**огдан, да Иван, да Моисей, да Михаило.

А у Михаила дети: сын Михаило [3]*да Иван*[3].

А У ДРУГОВО ДМИТРЕЕВА СЫНА

Михаиловича у Давыда сын **Г**ригореи.

А у Григорья дети: **Д**митреи, без[детен], да Михаило Воронои Волынскои.

А у Михаила Вороного дети: **П**етр, без[детен], молод умер, да Иван Воронои, да Федор. //

А у Ивана Вороново сын **М**ихаило Воронои Волынскои, а был у царя и великого князя Ивана Васильевича боярин и дворецкои Казанскои и Нижегороцкои, бездетен.

А у Федора Вороново сын **И**ван.

А у Ивана Федоровича Вороново 2 сына: **О**лександро да Григореи, оба бездетны.

(См.: *РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. № 174/280. Родословная книга, хранившаяся в Посольском приказе. Л. 78–80 об.*

Упоминание росписи и описание рукописи: *Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 48–52.*)

[3-3] Вписано другим более крупным почерком начала XVIII в.

Приложение № 2 (б)

Род Дмитрея Михаиловича Волынского Боброковъ[1]
Глава 49

К великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому приехал служить из Волынские земли Дмитреи Михаиловичь Волынской Бобракь[2]; и князь великий дал за нево сестру свою княжну Анну. А у Дмитрея Михаиловича были два сына: Борис да Давыд. И от Бориса пошли Волынские, а от Давыда пошли Вороные.

А у Бориса Дмитреевича было 6 сынов: Семен да Окинфеи, бездетен, да Полуехть, да Селиван, да Михаило Болшои, да Михаило Меншои.

А у первого сына у Семена дети: Игнатеи да Володимер. А Игнатьевы дети Семеновича: Булгак, да Сава, да Василеи. А Булгаков сын Тороп. А у Савы дети: Иван, да Русин, да Григореи, да Федор. А у Ивана сын Петр. А у Русина сын Кривоша, бездетен. А у Григорья Савина сына дети: Дмитреи, бездетен, да Иван Болшои, да Михаило Баклашка, убит на Молодях, бездетен, да Петр, да Иван Меншои. А у Ивана Болшова дети: Василеи да Иван Непрозамоной. А у Ивана Непрозамонова сын Микита. А у Ивана Меншова дети: Степан, да Семен, да Павел, бездетен, да Григореи. А у Степана сын Артемей. А у Семена дети: Михаило, да Василеи, да Яков. А Федоров сын Савина сын Петр.

А у Володимера Семенова сына дети: Семен, бездетен, да Василеи, да Григореи, да Офонасеи. А у Василья Володимерова сына дети: Иван, да Федор, да Степан, да Григореи, да Микита, да Федор Меншои. А у третьева сына Володимерова у Григорья сын Степан. А у Степана дети: Васильи да Иван. А у Василья Степанова сына дети: Ондреи да Петр, бездетен. А у брата Васильева у Ивана сын Иван, убит в Ярославле. //

А другои Борисов сын Акинъфе[и] убит на Белевском бою.

А у третьева Борисова сына у Полуехта дети: Иван да Микита. А Ивановы дети Полуехтова сына: Дмитреи, бездетен, да Федор, да Микита, да Василеи.

А у Микиты Иванова сына Полуехтова дети: Федор да Василеи. А у Василья Ивановича сын Яковец Крюк. А у Василья Микитина сына дети: Семен, прозвища Богдан Стрелец, да Яков Посох[3], бездетен. А у Богдана Стрельца сын Перфилеи, бездетен. А у Яковъца сын Василеи Щепа. А у Василья Щепы дети: Петр, да Федор, да Иван Птица, да Василеи, оба бездетны, да Семен. А у Петра Васильева сына дети: Михаило и Иван. А у Михаила Петрова сына дети: Иван да Олексей. А у Микиты Полуехтова

---

[1] Выделено киноварью.

[2] Так в ркп., должно быть: «Боброкъ».

[3] Так в ркп., должно быть: «Посол».

сына дети: Ондреи, да Костентин, бездетен, да Федор, да Лева. А у Ондрея Микитина сына дети: Иван Бобос, да Федор Поподейка, да Олександр, да Микита. А у Федора Ондреева сына дети: Федор, да Володимер, да Иван. А Левин сын Иван. А у брата Левина у Болшова у Федора дети: Федор да Иван. //

А у четвертого сына Борисова у Селивана дети: Ондреи, бездетен, да Микула. А у Микулы сын Василеи. А у Василья Микулина сына дети: Гав[р]ило, да Костяньтин, да Микита.

А у пятова Борисова сына, у Михаила Болщова, детеи не было.

А у шестого сына Борисова у Михаила Меньшова дети: Иван Волыньскои, был в боярех и дворецкои Ноугородцкои, да Игнатеи, бездетен. А Ивановы дети Волынскова: Иван Ус, да Федор, да Василеи, да Дмитреи. А Ивановы дети Усова: Василеи да Тимофеи. А у Федора Иванова сына дети: Данило, да Левоньтеи, да Федор, да Иван. А у Васил[ь]я Иванова сына сын Богдан. А Дмитреевы дети Иванова ж сына — Иван да Василеи. А у Данила Федорова сына сын Иван Гнуса. А у Федора Данилова брата сын Петр Плахои[4]. А у Ивана Данилова ж брата дети: Василеи да Тимофеи. А у Ивана у Гнуса дети: Максим, прозвища Богдан, да Иван, да Мосеи, да Михаило. А у Петра Плохова сын Дмитреи. // (...) //

А у втораго сына Дмитреева у Бобракова у Довыда сын Григореи. А у Григорья дети: Дмитреи, бездетен, да Михаила Воронои. А у Михаила Воро[но]ва дети: Петр, бездетен, да Иван Воронои, да Федор. А Иванов сын Воро[но]ва Михаила, бездетен, был у Царя Ивана боярин и дворецкои Казаньскои и Нижегоротцкои. А Федоров сын Иван. А у Ивана дети: Олександро да Григореи, оба бездетны.

(См.: *РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Л. 281–284 об.*

Изд.: *Кузьмин А. В. Родословная князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 132–133.*)

---

[4] Так в ркп., должно быть: «Плохой».